

Журнал зарегистрирован Министерством связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации
Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77 - 40505

Мир политики и социологии

№ 1, 2011

Санкт-Петербург
2011

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чибинев В. М., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», декан факультета права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, кандидат экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Бейдина Т. Е., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Читинского государственного университета

Бродский М. Н., доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор

Гончаренко Л. Н., доктор философских наук, профессор

Глушченко П. П., декан юридического факультета Санкт-Петербургской академии управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный адвокат России

Крылов Д. А., доктор философских наук, доцент, заместитель руководителя исполкома Забайкальского регионального отделения политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Малышев А. В., заместитель руководителя управления по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент

Макаров А. В., директор Юридического института Читинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Масленников Д. В., проректор по научной работе Национального открытого института России, доктор философских наук, профессор

Никулин А. Г., начальник кафедры политологии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат философских наук, доцент

Оганян К. Н., доктор философских наук, профессор

Родионова А. К., доктор политических наук, профессор Байкальского государственного университета экономики и права

Швецов М. Ю., доктор педагогических наук, профессор, директор института социально-политических систем Читинского государственного университета

Шемелин А. В., заместитель главы администрации Читинского района Забайкальского края, кандидат юридических наук, доцент

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ**Политика**

<i>Семченков А.С.</i>	Пути предупреждения политической дестабилизации в России	5
-----------------------	--	---

Социология права

<i>Гутман М.Ю.</i>	Теория права и социология права как теоретическая и эмпирическая основа законотворческой и правоохранительной деятельности	10
--------------------	--	----

Социальная экономика

<i>Шлафман А.И.</i>	Функциональное воздействие социальных регуляторов на социально-экономические процессы	19
---------------------	---	----

<i>Фабричнова Т.Г.</i>	Содержание и структура социальных регуляторов предпринимательской деятельности	22
------------------------	--	----

<i>Радушина А.И.</i>	Профессиональные союзы как механизмы социального партнерства	29
----------------------	--	----

<i>Грибанов А.В.</i>	Анализ существующих социальных форм и подходов к структуре внутриорганизационного поведения	34
----------------------	---	----

Правовые аспекты политических процессов

<i>Полежаев В.М.</i>	Проблемы развития федерализма в Советской России	38
----------------------	--	----

<i>Бочегуров А.И.</i>	Правовой механизм противодействия политической коррупции на государственном уровне	44
-----------------------	--	----

Информация для авторов	49
------------------------------	----

CONTENTS

Politics

Semchenkov A. S.	Ways of prevention of political destabilization in Russia	5
------------------	---	---

Sociology of law

Gutman M. Yu.	Theory of law and sociology of law as theoretical and empirical basis for law making and law enforcement activities	10
---------------	--	----

Social economy

Shlafman A. I.	Functional influence of social regulators on social and economic processesU	19
Fabrichnova T. G.	The maintenance and structure of social regulators of enterprise activity	22
Radushinskaya A. I.	Trade unions as mechanisms of social partnership	29
Gribanov A. V.	The analysis of existing social forms and approaches to structure of intraorganizational behaviour	34

Legal aspects of political processes

Polezhaev V. M.	Federalism development problems in Soviet Russia	38
Bochegurov A.I.	The basic directions of counteraction of political corruption at the state level	44
Information for the authors	49	

ПОЛИТИКА

СЕМЧЕНКОВ Андрей Сергеевич,
доцент кафедры российской политики
факультета политологии МГУ имени
М.В. Ломоносова,
кандидат политических наук, доцент
E-mail: andsem4@yandex.ru

Специальность 23.00.02 – Политические
институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и
технологии

ПУТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье проводится анализ конфликтной мобилизации больших социальных групп населения как главного условия политической дестабилизации в современной России. Исследование основных характеристик и этапов конфликтной мобилизации позволило автору определить некоторые пути предупреждения угроз политической стабильности в российских регионах.*

Ключевые слова: политическая дестабилизация, конфликтная мобилизация, предупреждение, угроза.

SEMCHENKOV A. S.

WAYS OF PREVENTION OF POLITICAL DESTABILIZATION IN RUSSIA

***The summary.** The article contains an analysis of conflict mobilization of great social groups as a major condition of political destabilization in modern Russia. The research of main characteristics and stages of conflict mobilization allowed author to define some ways of prevention of threats to political stability in Russian regions.*

Key words: political destabilization, conflict mobilization, prevention, threat.

Обеспечение социально-политической стабильности является одним из важных факторов поступательного развития современного российского общества и государства. В последнее время руководство страны предпринимает целый ряд действий по укреплению гражданского и межнационального мира, профилактике и борьбе с угрозами внутренних конфликтов в России. Вместе с тем, ряд событий 2010 г., среди которых следует упомянуть акции протesta в Химках и на Манежной площади в Москве, остро ставят проблему определения путей предупреждения формирования массовых социальных движений,

иницируемых экстремистскими организациями. Главным условием развертывания подобных движений является проведение конфликтной политической мобилизации больших социальных групп населения страны. В этой связи предупреждение и пресечение конфликтной мобилизации приобретает первостепенное значение для поддержания социально-политической стабильности российского общества.

Само явление конфликтной политической мобилизации довольно многогранно, его отдельные разновидности – этнополитическая, религиозно-политическая, социально-политическая мобили-

зация – обладают определенной спецификой, отличающей их друг от друга. Вместе с тем, общей для всех них характеристикой является наличие субъектов мобилизации – этнических, конфессиональных или политических контрэлит, обладающих возможностями использования различных ресурсов (политических, финансовых, военных и др.) для создания массовой поддержки этническими группами, религиозными общинами или иными общностями своим политическим целям, оказания давления на существующую государственную власть.

По мнению исследователей «цветных» революций, конфликтная политическая мобилизация представляет собой акции протesta невооруженной толпы в столице государства, сходные с постановкой спектакля в театре с применением специальных технических и художественных средств. Акции оказывают сильнейшее воздействие на сознание как вовлеченных в толпу людей, так и зрителей – жителей города и значительной части населения страны, наблюдающих спектакль по телевидению [9].

Массовую базу конфликтной мобилизации составляют молодежь, преимущественно студенчество и старшеклассники, а также интеллигенция, которые могут стать толпой или оформиться в движение (сеть радикальных оппозиционных организаций и групп).

Роль молодежи в ходе конфликтной мобилизации заключается, как отмечает Р. Хелви, в обеспечении массовой поддержки кампаниям по ненасильственной смене политических режимов. Студенты практически всегда стоят на стороне оппозиционных сил, и для активизации их политического участия требуется усиление агрессивности в их поведении [2, стр. 56-79]. Молодежь является основным источником кадров революционного актива, контингентом уличных действий, который привлекают созданием атмосферы праздника за счет использования технологий проведения карнавалов, консолидации на аполитичной основе, предоставлением возможности подработать во время массовых мероприятий и др.

И. А. Василенко обращает внимание на закономерность массового участия молодежи в конфликтной мобилизации. Именно молодежь к 2020 г. составит большинство населения в развивающихся странах мира, будучи наиболее

беспокойной в политическом отношении и трудно интегрируемой частью общества, которая, наверняка, станет противником Pax Americana. В этой связи американскими геополитиками было предложено перевести молодежную энергетику в «безопасное» для гегемонии США направление – участие в «цветных» революциях [7, стр. 7-9].

На роль интеллигенции в конфликтной мобилизации обращается внимание в общей теории революции А. Грамши, лежащей в основе проведения «ненасильственных» государственных переворотов в социалистических странах Восточной Европы и республиках СНГ. Именно длительные усилия, предпринимаемые интеллигенцией, приводят к подрыву культурной гегемонии государства за счет постепенных «молекулярных» изменений с помощью средств массовой коммуникации в общественном сознании граждан страны, замены представлений о мире и человеке, нравственности, множества символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта на иное мировоззрение и мировосприятие. Фактически интеллигенция создает и распространяет идеологии, имеет влияние на умы молодежи, устанавливает или подрывает гегемонию того или иного класса [8, стр. 195].

К числу технологий проведения конфликтной мобилизации в ходе «цветных» революций относятся различные методы информационно-психологического воздействия на массовое сознание с помощью СМИ, сети Интернет и других каналов коммуникации. Это методы манипуляции общественным сознанием, которые разрабатываются в рамках концепций информационной войны, связей с общественностью, брэндинга, имиджелогии, семиотики, социальной психологии, политической мифологии и др. Технологии проведения конфликтной мобилизации призваны помочь в рекрутовании все большего числа сторонников антиправительственного движения, формировать представление о его целях, которые должны совпадать с доминирующими в обществе мнениями о существующих проблемах в стране и путях их решения [3, стр. 112].

С помощью технологий проведения конфликтной мобилизации достигается сплочение участников движения, выражение их коллективной идентичности посредством новых символических кодов и культурных правил. Способами сообщения новых кодов выступают распространение

молодежью своей культуры и образа жизни («пророчество»), низвержение и гиперболизация авторитетов доминирующих кодов («парадокс»), отделения кодов от того содержания, которое они скрывают («репрезентация») [5].

Объединяющими факторами при этом выступают язык (молодежный сленг или специально сконструированный «новояз») и жесты, с помощью которых осуществляется реагирование друг на друга, соприкосновение плечом к плечу, поляризация внимания по отношению к какому-либо объекту, процессы психического заражения – ненависть, фанатизм, возможность реализации подавляемых идей и действий; общая мечта, активизирующая граждан на борьбу за справедливость и честность [1]; привлекательность самого ненасильственного характера действий по оказанию давления на власть, направленность на достижение малых целей в ходе ограниченных кампаний [12]; фреймы – когнитивные сигналы, обеспечивающие общее понимание происходящего и побуждающие к политическому действию за счет драматизации очевидного противоречия между видимым культурным значением и принятыми социальными практиками, уязвимости системы или ее нелегитимности [4, стр. 346-348]; действия правительства, которые могут вызвать сопротивление граждан [6, стр. 214]; создание «образа жертвы», что позволяет делегитимизировать власть и развернуть против нее массовые действия [10, стр. 141-149]. Сплочению протестующих также способствуют формирование «образа врага», которого воплощает правящая элита, создание и внедрение отличительной символики движения или толпы, образа «неминуемой победы» радикальной оппозиции и последующего одномоментного решения всех государственных проблем в результате ее прихода к власти [9].

Оптимальным периодом для проведения конфликтной мобилизации является время предвыборной борьбы и выборов в органы государственной власти, а также обострения межэтнических и межконфессиональных отношений в стране. Предъявление власти со стороны контрэлиты обвинений в несправедливости итогов выборов и нечестности их проведения, поощрении этнического и религиозного неравенства, усиливаемое наличием в стране кризисных социально-экономических и

политических явлений, позволяет радикальной оппозиции достаточно быстро привлечь на свою сторону с помощью популистских лозунгов различные социальные группы и слои, имеющие подчас противоположные причины для недовольства.

А. Устименко особо выделяет политические манипуляции в рамках электорального процесса, которые непосредственно призваны породить кризис власти. Наиболее эффективным приемом является создание обстановки максимально «грязных», фальсифицированных выборов по «вине» правящей элиты, которые позиционируют радикальную оппозицию в качестве перманентно притесняемой властью стороны. Для контрэлиты принципиально неважно, являлись ли выборы таковыми или нет. Этот маневр инспирирует появление обширной зоны неопределенности и недоверия в обществе, что выражается в дальнейшей диффузии политических взглядов населения и, как результат, увеличении числа сторонников контрэлиты.

Для получения политической поддержки противостоящие официальной власти силы используют субъективные и фактически нелегитимные методы, такие как более оперативное обнародование промежуточных результатов, мнения иностранных наблюдателей, проведение exit-polls (опросов проголосовавших). Благодаря этому официальные результаты государственных органов по проведению выборов уже не воспринимаются как истинные значительной частью социума.

Протесты в связи с результатами выборов носят заранее спланированный характер, причем акцент делается на «мирном» противостоянии с властью, но, при этом, скрыто готовятся группы силового противодействия. Фактически власть загоняется в тупиковую ситуацию, т. к. силовое, «антидемократическое», разрешение конфликта в состоянии дискредитировать правящую элиту в социуме, что будет отвечать интересам радикальной оппозиции. Ключевым звеном заключительного «постэлекторального» этапа осуществления «бархатной» революции является пассивность органов государственной власти, а также неопределенность стратегии ее дальнейших действий, которые консервируются под внутренним и внешним воздействием. Главным элементом маневров радикальной оппозиции является принуждение власти к согласию на

уступки, что демонстрирует признание ею правомочности требований и действий контрэлиты, а также собственной слабости. Подобное развитие событий вызывает отторжение народом «дискредитированной» власти и ее последующее свержение [11].

Таким образом, анализ явления конфликтной политической мобилизации позволяет сделать вывод о том, что ее специфическими чертами являются:

- принадлежность к «наступательному» типу солидаризации членов большой социальной группы;
- политизация группового самосознания посредством создания идеологии, формирующей враждебное отношение к другим общностям и несовместимость с идентичностью населения всей страны;
- акцентирование несправедливости, обид, причиненных в прошлом, а также других факторов фruстрации в межгрупповых отношениях;
- оперирование «образом врага» по отношению к оппонентам и конкурентам лидеров и элит сплачиваемой, таким способом, социальной общности;
- консолидация вокруг цели смены власти и использования для этого насильтственных и ненасильственных средств.

Ключевыми действиями, шагами к конфликтной политической мобилизации общества являются:

- 1) создание сети-субъекта угроз политической стабильности;
- 2) инициирование повода для протеста – обвинение власти в проведении несправедливой и нечестной политики;
- 3) агитация населения структурами сети по различным каналам коммуникаций, включая сеть Интернет;
- 4) формирование социально-политического движения;
- 5) проведение акций протеста участниками движения;
- 6) осуществление провокаций против власти, использование эффекта «жертвы» для привлечения дополнительных сторонников;
- 7) подготовка и проведение митингов в центре столицы и крупных городов с призывом к неконституционной смене власти.

Размышляя о возможных формах конфликтной политической мобилизации в России, отметим, что,

на наш взгляд, наиболее опасным сценарием представляется проведение экстремистскими (в том числе националистическими) организациями приуроченной к выборам или другим важным политическим событиям конфликтной мобилизации в ряде регионов юга нашей страны с использованием технологий «цветных» революций. Его дальнейшим этапом может стать возникновение цепной реакции из нескольких вооруженных конфликтов, способных привести в политической дестабилизации.

В республиках Северного Кавказа существует немало предпосылок для конфликтной этнополитической и религиозно-политической мобилизации. Это глубокий социально-экономический кризис (по разным данным, число безработных в республиках колеблется от 30% до 80%), чрезвычайно сложный этнический и конфессиональный состав его населения, острые межэтнические противоречия, территориальные проблемы, большое число беженцев, снижение численности русского населения, стремление элит к политическому моноцентризму в республиках. Эти факторы обусловили рост числа готовых к вооруженной борьбе сторонников идеологии исламизма («ваххабизма») как альтернативы коррумпированной и неэффективной региональной и местной власти. Используя социальные и экономические трудности, слабость местных элит, радикалы непосредственно или скрыто участвуют в любых кризисных ситуациях, стремясь к их дальнейшей эскалации и провоцированию крупных межэтнических конфликтов на юге России.

Думается, что основными направлениями предупреждения политической дестабилизации могут стать следующие меры и действия государства и субъектов гражданского общества:

- 1) меры по дезорганизации сети-субъекта угроз политической стабильности;
- 2) проведение информационных кампаний понейтрализации транслируемых радикальной оппозицией фреймов и интерпретаций происходящего в политической сфере, мониторинг распространения сообщений с призывами к конфликтной мобилизации в социальных сетях, по электронной почте, на блогах, в сети Интернет в целом;
- 3) создание проправительственных массовых движений и организаций;
- 4) сужение возможностей для осуществления оппозицией агитационно-пропагандистских

акций, направленных против власти;

5) блокирование либо установление контроля над возможными местами осуществления протестной активности, снижение информационного резонанса инициируемых радикальной оппозицией событий, проведение встречных акций в поддержку власти;

6) защита населения и элементов критической инфраструктуры от угроз террористических актов, проведение митингов в центре столицы и крупных городов в поддержку власти.

Применительно к современным реалиям система мер и действий по предупреждению и пресечению конфликтной политической мобилизации населения регионов юга России, в которых сохраняется риск дестабилизации, может включать в себя несколько направлений.

Во-первых, это региональная политика федерального Центра, предполагающая достижение реальных позитивных перемен в сфере борьбы с коррупцией в органах власти и управления субъектов РФ, стимулирование экономического роста в республиках, повышение транспортной, энергетической коммуникационной «связности» российских регионов, формирование надэтнической и надконфессиональной идентичности их населения.

Во-вторых, усиление политических позиций

Центра на Северном Кавказе за счет поддержания политического плюрализма и конкуренции в республиках, формирования массовых движений и организаций в поддержку проводимых руководством страны преобразований в регионах нового федерального округа.

В-третьих, профилактические мероприятия в области противодействия угрозам политической стабильности, такие как подрыв доверия населения к сетям сепаратистов и исламских радикалов путем проведения информационных кампаний понейтрализации внедряемых ими фреймов в молодежной среде, партнерство государства и общественных, бизнес-, этнических, религиозных организаций в этой области.

В-четвертых, меры и действия по локализации возможных проявлений протестной активности мобилизованного населения: установление контроля над потенциальными местами проведения антиправительственных манифестаций, митингов, своевременная организация акций в поддержку действий федерального Центра.

В-пятых, осуществление совместной с региональными и этническими элитами деятельности по дезорганизации радикальных исламских сетей и движений, реализация мер по борьбе с терроризмом на Северном Кавказе.

Список литературы

1. Debray R. The strength of idea // Интернет-издание «нация тамилов» [Электронный ресурс]. URL: www.tamilnation.org (дата обращения: 5.10.2005).
2. Helvev R.L. On the strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. – East Boston, MA: The Albert Einstein Institution, 2004. – 178 p.
3. Luttwak E. Coup d'etat: a practical handbook. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. – 205 p.
4. McAdam D. The framing function of movement tactics: strategic dramaturgy of the American civil rights movement // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
5. Melucci A. Youth, time and social movements // [Электронный ресурс]. URL: www.alli.fi (дата обращения: 5.10.2005).
6. Tilly Ch. The politics of collective violence. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 276 p.
7. Василенко И.А. Конфликты низкой интенсивности и «бархатные революции» как технологии современной геополитики // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2006. – № 6.
8. Грамши А. Тюремные тетради. В 3-х ч. Ч.1. – М.: Политиздат, 1991. – 559 с.
9. Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А., Мурашкин М. Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко... // Персональный сайт С.Г. Кара-Мурзы. 2007. 4 марта [Электронный ресурс]. Дата обновления: 11.03.2010. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/export/index.htm> (дата обращения: 4.05.2007).
10. Почепцов Г.Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Европа, 2005. – 532 с.
11. Устименко А. «Бархатные революции» на постсоветском пространстве: попытка осмыслиения // Сайт «Кремль.орг». 2005. 2 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kreml.org/opinions/101430859> (дата обращения: 4.03.2007).
12. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения // Журнал «Национальная безопасность». 1993. 6 октября. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00030/> (дата обращения: 5.10.2005).

СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА

ГУТМАН Матвей Юрьевич,

профессор кафедры социологии и политологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

E-mail: goodman@ya.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и
государстве

ТЕОРИЯ ПРАВА И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимосвязи теории и социологии права. Автор, путем комплексного анализа, базируясь на фундаментальных теоретических и социологических положениях правопонимания, акцентирует внимание на актуальных проблемах, связанных с законотворческой и правоохранительной деятельностью в социологическом аспекте. Кроме того, автором сформулированы и обоснованы предложения, направленные на совершенствование законотворческой и правоохранительной деятельности с учетом влияния социологического типа правопонимания.

Ключевые слова: теория права; социология права; социологический тип правопонимания.

GUTMAN M. Yu.

THEORY OF LAW AND SOCIOLOGY OF LAW AS THEORETICAL AND EMPIRICAL BASIS FOR LAW MAKING AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

The summary. The article discusses the features of relationship between the theory and sociology of law. The author through the use of complex analysis based on fundamental theoretical and sociological provisions of law awareness focuses on topical issues related to law making and law enforcement activities in the sociological aspect. In addition to that the author formulates and substantiates proposals aimed at improvement of law making and law enforcement activities taking into account the sociological type of law awareness.

Key words: theory of law; sociology of law; sociological type of law awareness.

Характерной особенностью современной общественной жизни является резкое усиление внимания к новейшим достижениям науки, к появлению новых научных направлений, интеграции наук, к практическому использованию её новейших достижений, повышению эффективности инвестиций в науку. Примеров тому множество, в

том числе и в России. Создание наукоградов, формирование федеральных университетов, рост выделяемых на науку и образование бюджетных средств и т. д. Это характерно как для технических, так и для общественных наук.

В условиях продолжающегося формирования правового государства усилено внимание к праву,

юридическим наукам, их достижениям и влиянию на общественную жизнь, на состояние законности и правопорядка в стране. К сожалению, уровень преступности в России остаётся весьма высоким, а правовая культура населения еще далеко не соответствует уровню правового государства, что отмечается повсеместно, а Президент России Д. А. Медведев подчеркнул опасность правового нигилизма, необходимость усиления правового воспитания граждан.

Казалось бы, что правовой нигилизм пойдёт на убыль с ростом количества учебных заведений юридической направленности, количества юридических кадров. И действительно, дефицит юридических кадров, ощущаемый в середине 80-х – 90-х годах прошлого века, в настоящее время ликвидирован с лихвой. Более того, отмечается их перепроизводство. Ведь сейчас подготовка юридических кадров осуществляется более чем в тысяче учебных заведений. Однако до сих пор испытывается острая потребность не только в юридических кадрах, но и в квалифицированных, способных успешно решать правовые проблемы, осуществлять юридическое сопровождение различных решений, качественно проводить расследование правонарушений и т. д. Видимо, качество выпускемых кадров, особенно в вузах, функционирующих на платной основе, далеко не соответствует современным требованиям. И причин этому множество.

Многочисленные публикации в периодических изданиях, дискуссии о ЕГЭ, о борьбе вузов за абитуриентов и др. в конечном итоге сводятся к уровню общей подготовки школьников, их способности в первый же год учёбы усваивать преподаваемые учебные дисциплины. Опыт свидетельствует о том, что значительное количество первокурсников не имеют соответствующего уровня подготовки, умений и навыков самостоятельной работы, не умеют записывать лекции. Поэтому приходится на первом курсе уделять много внимания и времени «доведению» обучаемых до соответствующего уровня. При этом от потери времени страдают те предметы, которые изучаются на первом курсе, в том числе и такой предмет, как теория государства и права, закладывающий основы юридических знаний, базу, на которой возводится юридическое, правовое знание, а, следовательно, и формируется будущий юрист. Без глубоких знаний теории права и государства невозможно усвоение и других

юридических наук, изучающих общественные отношения, урегулированные правом.

Предмет теории государства и права достаточно ясен, его сущность признана практически всеми, никем не оспаривается – предметом теории государства и права являются наиболее общие закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права, систематизированные сведения об основных понятиях и категориях юриспруденции, теоретические модели «идеальных» государственно-правовых систем.

Но если с предметом теории государства и права практически всё ясно, то с предметом социологии права всё обстоит достаточно сложно, продолжаются дискуссии и довольно острые. И это объясняется, прежде всего, тем, что изучение действия права в реальной жизни можно лишь при помощи социально-правовых исследований, изучая социальную действенность правовых институтов, учреждений, законов в сфере их реализации в жизни, процессов трансформации юридических норм в социальное поведение на всех уровнях, в конечном итоге социология права ориентирует исследователей на изучение социальных функций права, последствий, связанных с принятием и введением в общественную жизнь правовых актов. Отсюда следует вывод – предметом социологии права является изучение социальной обусловленности права, эффективности его институтов, влияния права на общественные отношения и обратного влияния общественных отношений на право, анализ данного предмета на теоретико-методологическом и эмпирическом уровнях [7, стр. 2; 14, стр. 208-209; 1].

Таким образом, социология права и теория права имеют и различия, и точки соприкосновения, что обусловлено различиями в предметах правоведения и социологии. Различия заключаются, прежде всего, в том, что юридическая наука изучает правовые отношения, а социология – фактические общественные отношения людей. Если правовую науку интересует правовая форма конкретного общественного отношения, содержание прав и обязанностей его субъектов, то социологию права интересуют социальные функции того или иного явления. Другими словами, социология права рассматривает правовую систему в связи с жизнью, с социальной практикой.

Однако не всё так просто. До сих пор ряд

учёных считают, что социология права не является самостоятельной наукой, так как носит междисциплинарный характер. Другие (например, А. Подгурецкий, Я. Квашневский) утверждают, что теория права и социология права являются неразрывными частями одной общей науки. Существует и утверждение, что в рамках единой общей теории права существуют относительно обособившиеся группы проблем, которые могут быть обозначены как «вопросы философии права», «социологии права», «специально-юридической теории» (общей позитивной теории). Мы отстаиваем позицию о социологии права как о самостоятельной науке. Единство теории права и социологии права на основе единства объекта изучения, не свидетельствует об их тождестве. Как следствие развивающейся закономерной дифференциации научного знания, в том числе и юридического, увеличивается количество аспектов изучения одного и того же объекта. Одновременно усиливается и процесс интеграции научного знания, и на стыке научных дисциплин рождаются новые знания. Именно на стыке теории права и социологии появилась новая научная комплексная дисциплина – социология права. Социология права имеет свою теоретическую базу (так называемые «теории среднего уровня»), комплекс методологических проблем и методов исследования. Как самостоятельная научная и учебная дисциплина, социология права имеет свой предмет изучения, систему категорий и понятий. Необходимо подчеркнуть и то, что теория права и социология права – взаимообусловленные и взаимосвязанные направления научного исследования, имеющие свою специфику. Без глубокого знания основ теории права и социологии права невозможно вести эффективную профилактику правонарушений, планомерную борьбу с преступностью.

На основе краткого теоретического предисловия рассмотрим, как использование социологических исследований позволяло рационализировать борьбу с преступностью, совершенствовать формы и методы профилактики правонарушений. Тем более, интересно, что еще до выделения социологии права в самостоятельную науку социологические исследования на разных уровнях проводились и по их результатам создавались новые нормативные правовые акты или вносились изменения в действовавшие. Рассмотрим конкретные исторические факты, свидетельству-

ющие о том, что реальная ситуация требовала разработки и принятия нормативно-правовых актов, направленных на регулирование правоотношений в области охраны правопорядка и борьбы с преступностью.

Свержение царского самодержавия привело к деморализации не только органов, специально созданных для защиты его политического и экономического господства, но и тех, которые были призваны охранять общественный порядок, личную и имущественную безопасность граждан, вести борьбу с уголовной преступностью. Вовлечение полиции в борьбу с политическими противниками самодержавия, взяточничество и хамство многих, низкий профессионализм вызывали у большинства граждан России не только недовольство их деятельностью, но и презрение к ним. В такой обстановке говорить об авторитете полиции не приходится. Участники и очевидцы революционных событий в своих воспоминаниях писали, что «запасы ненависти вдруг разлились и мутным потоком вылились на улицы Петрограда в формах избиения городовых. Многие сотрудники полиции были арестованы и помещены в тюрьмы» [15, стр. 33; 19; 22]. Полиция, призванная защищать режим самодержавия, частично перебитая не только восставшими, но и царской армией, разоружённая, проклятая народом, ушла в небытие.

Новая социально-политическая обстановка в России, сложившаяся после Февральской революции 1917 г., требовала ускоренного решения вопроса о формировании новых органов охраны правопорядка и законодательного закрепления основ их организации и деятельности, так как возникшие в ходе революции многочисленные структуры, участвовавшие в охране революционного порядка, с этими задачами явно неправлялись.

28 февраля Городская дума Петрограда приняла решение о создании столичной милиции. 3 марта Временное правительство заявило о необходимости замены «полиции народной милицией с выборным начальством, подчинённым органам местного самоуправления» [6]. 6 марта было издано постановление о ликвидации корпуса жандармов, а 10 марта – об упразднении Департамента полиции. В составе Министерства внутренних дел создавалось Временное управление по делам общественной полиции и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан» [21], которое 15 июня было

переименовано в Главное управление по делам милиции [20]. 17 апреля 1917 г. Временное правительство России приняло Постановление «Об учреждении милиции» и «Временное положение о милиции». Указанные документы и принятые в их развитие нормативные акты были далеко не последовательными, противоречивыми, что характерно для «смутного» времени, медленно внедрялись в жизнь. В это же время продолжала действовать созданная в ходе революции рабочая милиция. Следует особо отметить, что разгромленный и перебитый в ходе революции полицейский аппарат самодержавия постепенно восстанавливался. Так, во Временном управлении по делам общественной полиции к 1 мая 1917 г. из 80 служащих 52 являлись бывшими служащими Департамента полиции и канцелярии градоначальника. В Главном управлении по делам милиции в июле этого же года из 200 чиновников 74 ранее служили в Департаменте полиции [3, стр. 315-317].

После Февральской революции криминогенная ситуация в стране была чрезвычайно сложной. Как свидетельствовали рапорта руководителей милиции и заявления граждан, особую тревогу вызывали многочисленные случаи незаконных обысков и арестов, проводимых нередко лицами, не имеющими на то прав, в корыстных целях. На основе анализа сообщений и жалоб граждан для обеспечения интересов мирного населения и установления законного порядка были разработаны инструкции и приказы, в которых чётко определялись организации и лица, имеющие право издавать распоряжения об аресте и обысках, а также кто подлежит арестам. Комиссаром Петрограда и Таврического дворца А. Пущиным было подписано распоряжение, в котором определялось, что:

- 1) распоряжения об аресте лиц, скомпрометировавших себя в период установления нового строя, и лиц, совершивших преступления перед народом в период старого режима, исходят от Временного комитета Государственной думы, министра юстиции и исполкома Петроградского Совета;
- 2) арест грабителей и лиц, производящих самостоятельные аресты, насилия и беспорядки, производится распоряжением районных комендантov, городской милицией или начальниками войсковых караулов;

- 3) арест, выпущенных в дни переворота уголовных преступников, производится теми же лицами. [23]

В одновременно опубликованном приказе по гарнизону частям войск и народной милиции Петрограда указывалось, что немедленному аресту подлежат:

- 1) пьяные* [4, стр. 20-21];
- 2) грабители, поджигатели, стреляющие в воздух и вообще нарушающие тишину и порядок в городе;
- 3) оказывающие сопротивление лицам, имеющим на то специальные полномочия Временного правительства;
- 4) все чины наружной и тайной полиции и корпуса жандармов;
- 5) все лица, производящие без особых полномочий обыски частных квартир, аресты частных лиц и особенно чинов армии [27].

Таким образом, появление документов было обусловлено реальной обстановкой на основе полученной информации. Вместе с тем, как свидетельствует статистика правонарушений и преступности, каких-либо положительных сдвигов в этой области, не было.

В этой связи 28 мая Временное правительство приняло постановление о производстве ревизии городской милиции, которая имела целью «принятие мер к укреплению городской милиции и проведение глубокой разведки рабочих комиссариатов с целью принятия мер по разоружению рабочей милиции». Для этого была создана комиссия во главе с начальником Главного управления по делам милиции Г. Д. Сидамон-Эристов, которая с 5 по 20 июня проверила 35 комиссариатов милиции. Комиссия констатировала, что рабочие комиссариаты лучше вооружены, что рабочие несут службу значительно лучше. Практически же каждый рабочий милиционер был вооружён собственным револьвером, добытым в ходе революции [5, стр. 191]. Данный вывод не соответствовал замыслам Временного правительства о ликвидации рабочей милиции, которая находилась под влиянием большевиков. После июльских событий 1917 г. руководство МВД констатировало, что милиция Петрограда со своими обязанностями справляется слабо [13]. Принимались меры по укреплению милиции. Её состав пополнялся офицерами и солдатами Петроградского гарнизона, ей дополнительно

выделялось оружие, в котором очень нуждалась действующая армия [13, стр. 24-25].

На фоне серьёзнейшего социально-экономического и политического кризиса в стране продолжался рост преступности. Проводившийся сбор информации, которая поступала нерегулярно и не из всех регионов России, и осуществлённый на её основе социологический анализ свидетельствовал, что с апреля 1917 г. число «выдающихся преступлений» росло из месяца в месяц, а с июля он принял взрывной характер. В марте количество разгромов тюрем, убийств, погромов, беспорядков, поджогов и т. п. было 56, в мае – 152, в июле – 387, в августе – 440, в сентябре – 958, а преступлений чисто уголовного характера – убийств, грабежей и разбоев, насилий над личностью, самосудов и других менее тяжких – в апреле было совершено 153, в мае – 555, в июне – 825, в июле – 2041, а в сентябре достигло 2479 [2, стр. 63-64].

Резкий рост правонарушений произошёл и в сельской местности. В июле было зарегистрировано 1777 случаев откровенного насилия. С 1 сентября по 20 октября произошло 5140 «нарушений порядка». Крестьяне грабили и сотнями сжигали барские имения, убивали владельцев, не успевших скрыться, захватывали инвентарь и скот. Частыми стали самочинные захваты земель. Временное правительство было вынуждено применять вооруженную силу. Но и армия была уже не та, стала массовым дезертирством. «Колоссальное количество дезертиров, хлынувших с фронта, воровством и грабежами терроризировали население» [9, стр. 137].

Таким образом, несмотря на созданную Временным правительством нормативно-правовую базу для борьбы с преступностью и достаточной информированностью о состоянии общественного порядка в стране, Временное правительство России не имело ресурсов для восстановления правопорядка в стране. Не было и достаточно организованной и профессионально подготовленной силы, на которую можно было опереться в этой борьбе. И, конечно, ни само правительство, ни его органы правопорядка не пользовались доверием населения и не могли надеяться на его поддержку.

После Октябрьского переворота 1917 г. проблемы охраны революционного порядка встали со всей остротой. От их решения зависело само существование новой власти. Советская власть по

политическим, классовым мотивам не могла использовать оставшиеся от прежних режимов полицейские органы. 28 октября (10 ноября) 1917 г. НКВД принял постановление «О рабочей милиции». Постановление не определяло конкретных форм организации милиции, но оно сыграло большую роль в развитии народной инициативы по созданию органов охраны правопорядка. В дальнейшем решались вопросы о судьбе милиции Временного правительства, Красной гвардии и рабочей милиции, уголовном розыске и т. д. Создавались различные комиссии, готовились проекты нормативных правовых актов, которые обсуждались в правительстве, партийными органами и местными Советами.

19 ноября 1917 г. Петроградский ВРК образовал комиссию по ликвидации милиции Временного правительства и организации охраны Петрограда. 30 декабря Петроградский Совет принял окончательное решение о ликвидации милиции Временного правительства [17, стр. 25]. 26 января 1918 г. Центральный комитет революционной охраны Петрограда принял решение: 2. Не позднее 30 января распустить всю милицию, создав взамен её всеобщую милиционскую повинность в рабочих районах. 3. В центральных районах милиционскую повинность не вводить, а направлять туда определённое количество красногвардейцев. 4. Комиссарам разрешить из числаувольняемых милиционеров оставить на службе ограниченное количество самых надёжных для исполнения обязанностей старших милиционеров на переходное время. 5. Постовую службу отменить, заменив её патрульной, исполняемой резервами при комиссариатах.

Анализ постановления свидетельствует о том, в той обстановке решение об организации охраны общественного порядка в Петрограде было адекватно ситуации и исходило из имеющихся возможностей. Однако вскоре пришлось отказаться от организации милиционской службы на основе милиционской повинности и перейти к организации штатной, постоянной милиции. Но ситуация менялась как в калейдоскопе. Она требовала немедленного реагирования, изменения форм организации милиции и методов её деятельности. При этом изучался и обобщался опыт, который находил своё отражение в новых нормативно-правовых актах о милиции. Простой перечень основных из них свидетельствует о той огромной работе, которая предшествовала

принятию этих документов. Это Инструкция о создании Главного управления уголовного розыска (5 октября 1818 г.); Инструкция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» (12 октября 1818 г.); Инструкция об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны (21 февраля 1929 г.); декрет «О советской рабоче-крестьянской милиции» (3 апреля 1919 г.); декрет «О речной советской рабоче-крестьянской милиции» (23 апреля 1919 г.); Дисциплинарный Устав для служащих советской рабоче-крестьянской милиции (22 августа 1919 г.); Положение о рабоче-крестьянской милиции (10 июля 1920 г.) и др.

Эти нормативно-правовые акты вносили изменения в организацию милиции, в принципы комплектования её кадров, в материально-техническое и бытовое обеспечение милиционеров и являлись итогом глубокого анализа эффективности применения ранее принятых нормативно-правовых актов, изучения состояния дел на местах, имеющихся материальных возможностей, уровня общеобразовательной и профессиональной обстановки. С этими материалами автор знакомился в ряде центральных и местных архивов.

В течение первых лет Советской власти были разработаны основы организации новой милиции, принципы подбора и расстановки милицейских кадров. Основными из них были классовый подход, рекомендации партийных, советских, профсоюзных организаций и руководителей милиции, уровень образования и др. Автор статьи провел социологический анализ тысячи анкет на милиционеров Петрограда, находящихся в Государственном архиве Санкт-Петербурга, которые были заполнены в 1919 г. Дополнив их отчётом за 1920 г., получены следующие данные.

Во-первых, к концу 1920 г. в Петроградской милиции сформировался штат профессиональных сотрудников, накопивших большой опыт охраны революционного порядка и борьбы с преступностью. 68,5 % рядового состава служили в милиции более двух лет и лишь 4,8 % – менее шести месяцев. Из 128 руководящих работников городской милиции работали в органах охраны революционного порядка с 1917 г. 21 человек (16,4 %), с 1918 г. – 77 человек (60,2 %), с 1919 г. – 29 человек (22,6 %), с 1920 г. – 1 человек (0,8 %)** [29], т. е. более 76,6% служили в милиции более двух лет. Из 2767 сотрудников 2043 чел. (73,9%)

были в возрасте от 20 – до 40 лет. Текущесть кадров была минимальной для того времени. Опыт закрепления кадров в органах милиции и нормативно-правовая база, позволившая свести текущесть кадров до таких размеров, весьма поучительны. Одним из элементов этого опыта являлся институт рекомендаций в милицию. Более 80% сотрудников милиции пришли в неё по рекомендациям партийных, советских, профсоюзных, молодёжных организаций и по рекомендациям руководителей милиции.

Во-вторых, значительно изменился и социальный состав сотрудников милиции. Если в 1918 г. рабочие составляли в городской милиции 41,9 %, крестьяне 8,7 %, другие категории – 49,4 %, то в 1920 г. 75 %, 15 % и 10 %, соответственно.

В-третьих, в городской милиции не было ни одного бывшего сотрудника царской полиции или жандармерии, в то время как в 1920 г. в милиции РСФСР служило 195 бывших чинов царской полиции [10]. Автор считает, что запрещение принимать на службу сотрудников бывшей царской полиции имело больше негативного, чем положительного. Их знания и умения способствовали бы не только повышению эффективности борьбы с преступностью, но и передаче накопленного опыта [11, стр. 366].

Как известно, в годы гражданской войны в стране резко возросла детская беспризорность и преступность несовершеннолетних, что вызывало особую тревогу Петроградского Совета***. В начале 1920 г. в Петрограде резко изменилась криминогенная ситуация. Бандитизм принял угрожающие масштабы. В этой связи Петроградский Комитет РКП(б) заслушал доклад заведующей отделом управления Петросовета С. Н. Равич «О бандитизме». В нём отмечалось, что значительная часть преступлений совершается рецидивистами и подростками в возрасте 16 – 18 лет. Было решено создать особую комиссию из представителей системы народного образования, комитета по здравоохранению, отдела юстиции, поручив ей в недельный срок составить план борьбы с беспризорностью детей и преступностью среди несовершеннолетних. К работе в комиссии привлекли А. М. Горького, который был избран её председателем.

29 мая состоялось первое заседание комиссии, на котором ее члены доложили итоги изучения проблемы и выявленные причины этого явления:

1) в период войны и революции многие дети

- лишились родителей;
- 2) возросло количество распавшихся семей, ухудшилось материальное положение в них;
 - 3) слабая воспитательная работа в семьях [26];
 - 4) систематическое голодание детей, продолжавшееся несколько лет [16];
 - 5) большое количество детей школьного возраста (около 20 %) не посещали школы [18, стр. 279].

Выступивший на заседании М. Горький предложил «для скорейшего искоренения преступности создать орган, наделённый большими полномочиями», вывести детей в отдалённый монастырь, «чтобы не растягивали других». Следует своевременного выявлять лиц, вовлекавших подростков в преступную деятельность. М. Горький предложил членам комиссии снабдить его необходимыми сведениями для составления сводки о детской преступности и предложений по борьбе с ней.

Получив требуемые материалы, М. Горький написал письмо В. И. Ленину. «Обращаю Ваше внимание на необходимость принять решительные меры по борьбе с детской преступностью. Теперь, будучи ознакомлен с положением этого вопроса, я знаю, как ужасно быстро развивается эта зараза преступности, – писал он. – В Петрограде насчитывается свыше 6000 детей-преступников от 9 до 15 лет. Все это рецидивисты и среди них немало убийц. Есть 12-летние, за коими считается по три убийства. Изоляция не достигает цели. Необходимы иные меры, и я предлагаю организовать «лигу борьбы с детской преступностью», куда мною будут привлечены все наиболее авторитетные деятели по вопросу воспитания дефективных детей и по вопросу борьбы с детской преступностью. С этим надо спешить». Письмо Горького по распоряжению Ленина было передано на отзыв А. В. Луначарскому. Ленин также предложил «под Петроградом взять ряд монастырей для помещения дефективных и беспризорных детей и подростков».

Предложения М. Горького были рассмотрены в отделе правовой охраны детей Наркомата просвещения и вместе с рекомендацией В. И. Ленина направлены в Петроград для исполнения.

Комиссия под руководством М. Горького разработала предложения по борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Предусматривалось выделение помещений для устройства воспитательных учреждений и снабжение их светом и дровами, обеспечение детей всем необходимым, организация при воспитательных учреждениях специальных мастерских и обеспечение их сырьём. Особое внимание обращалось на комплектование создаваемых учреждений воспитателями. Проектом предусматривалась уголовная ответственность взрослых (в том числе родителей и родственников) за моральное разложение детей. Проект был одобрен на заседании большого президиума Петросовета и разослан для обсуждения в районные Советы [25].

Одновременно принимались меры по подготовке специалистов для борьбы с детской беспризорностью и преступностью несовершеннолетних. Отделом охраны детства комиссариата просвещения было решено открыть курсы «Братьев и сестёр социальной помощи». Из них предполагалось создать «детскую милицию» для дежурства на вокзалах, обхода площадей, рынков, базаров, ночлежек и т. п. Предусматривалось открытие детских приёмных пунктов, обслуживать которые должны были люди со специальным педагогическим образованием и врачи [8]. Все эти, безусловно, серьёзные мероприятия не могли быть быстро претворены в жизнь из-за отсутствия материальной базы, средств и опытных специалистов. Тем не менее, некоторое падение детской преступности было заметно уже в июне 1920 г. Несмотря на продолжавшееся увеличение детской преступности, темпы её роста значительно сократились. Если в 1919 г. она выросла на 43 %, то в 1920 – только на 8 %** [28]. Мы считаем, что наработанные этой комиссией материалы и предложения были в последующем использованы Ф. Э. Дзержинским при организации борьбы с беспризорностью.

Анализируя сегодняшний день с позиции теории права и социологии права, следует обратиться к основателю классической школы уголовного права – итальянскому просветителю Ч. Беккариа (1738 – 1794), сформулировавшему основные правовые принципы, которые не потеряли своей актуальности и по сей день. Он считал, что а) «лучше предупреждать преступления, чем наказывать за них», б) «должна быть соразмерность между преступлением и наказанием. Для достижения цели наказания достаточно, чтобы зло наказания

превышало выгоду, достигаемую преступлением», в) «уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведёт всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемый надеждой на безнаказанность», г) «смертная казнь не может быть полезна, потому что она подаёт людям пример жестокости».

Учитываются ли эти положения на практике? Безусловно, не всегда в полной мере. Отдельные законопроекты долго лежат без движения в Государственной думе, зато другие, на наш взгляд, менее важные, немедленно рассматриваются, организуются внеочередные слушания, как, например бурное и долгое обсуждение вопроса о том, кто и где будет воспитывать и обучать внука Аллы Пугачёвой.

Но, обращаясь к обозначенной теме, необходимо обратить внимание на то, как применяются на практике закономерности социологии права, какие проблемы приоритетны для системы МВД РФ. Конечно, одной из важнейших проблем является повышение имиджа сотрудника полиции, формирование его морально-нравственного облика, повышение профессионализма. К сожалению, правонарушения, совершенные сотрудниками милиции, этому не способствовали, а подобных примеров было множество. Это и расстрел ни в чём неповинных людей майором милиции Евсюковым в супермаркете в Москве, это и арест министра внутренних дел Бурятии генерал-майора милиции Сюсюры и другие не менее резонансные дела, не поднимавшие авторитет милиции в глазах общественности.

Примечания

* Озабоченность правительства вызывало падение дисциплины среди военнослужащих. Военное руководство беспокоило неповинование целых частей, самосуды и расправы над командным составом, пьянство среди солдат и офицеров.

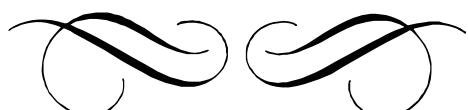
** Подсчитано автором.

*** Согласно Декрету от 22 января 1918 года малолетние правонарушители направлялись в «Комиссии по делам несовершеннолетних». К ним применялись только меры воспитательного воздействия. Судебная ненаказуемость несовершеннолетних использовалась бандитами, спекулянтами и прочими паразитическими элементами для вовлечения малолетних в свои преступные дела, чтобы уйти от ответственности за свои преступления. В связи с этим преступность несовершеннолетних в стране быстро росла. См.: Соловьёва М. Борьба с преступностью несовершеннолетних в период иностранной военной интервенции и гражданской войны // Тр. ВШ МВД СССР. – М., 1958. – № 2. – С. 308; Тадевоян В. В. И. Ленин о детях и борьбе с преступностью несовершеннолетних // Социалистическая законность. – 1958. – № 4. – С. 13-17. ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 3. Д. 542. Л. 25.

Список литературы

1. Варданянц Г. К. Социологическая теория права: Монография / Г. К. Варданянц. – М.: Академический проект, 2007.
2. Герцензон А. А. Квалификация преступлений. – М., 1947.
3. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-правоведение». 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983.
4. Журавлёв В. А. Без веры, царя и отечества: Российская периодическая печать и армия в марте-октябре 1917 года. – СПб.: СПбГУАП, СПб университет МВД России, 1999.
5. Звягинцева А. П. Организация и деятельность милиции Временного правительства России в 1917 году. Дис... канд. ист. наук. – М., 1972.
6. Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. – 1917. 3 марта.
7. Казimirchuk В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: Учебник для вузов. – М.: Юрист, 1995.
8. Красная газета. – 1920. 6 июня.
9. Красная летопись. – 1923. – № 6.
10. ЛГАОРСС. Ф. 33. Оп. 1. Д. 65. Л. 16.; ЦГАОР СССР. Ф. 393. Оп. 31. Д. 37. Л. 66.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 28.
12. Мулукав Р. С. Организационно-правовые основы становления Советской милиции (1917 – 1920 гг.): Учебное пособие. – М.: ВШ МВД СССР, 1975.
13. Новая жизнь. – 1917. 7 июля.
14. Общая теория государства и права. – Т. 2. – Л., 1974.

15. Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк / В. Ф. Некрасов, А. В. Борисов, М. Г. Детков. – М., 1996.
16. Очерки истории Ленинграда. – Т. 4.
17. Скилягин А. Т. Дела и люди Ленинградской милиции. – Л., 1967.
18. Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. – Пг., 1922.
19. Страна гибнет сегодня. Сборник воспоминаний о революции 1917 г. – М., 1991.
20. СУ. 1917. № 191. Ст. 1135.
21. СУ. 1917. № 79. Ст. 453.
22. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1997.
23. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. 148. Оп. 1. Д. 11, л. 1.
24. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 161. Л. 12.
25. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 161. Л. 19-20, 58, 95, 250-255.
26. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 4. Д. 161. Л. 253.
27. ЦГА СПб. Ф. 148. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
28. ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 2. Д. 255. Л. 5, 6; Просвещение. 1927. № 10.
29. ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 3. Д. 673. Л. 18; Ф. 33. Оп. 1. Д. 65. Л. 309-310.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ШЛАФМАН Александр Извич,
профессор кафедры управления Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
кандидат экономических наук, профессор
E-mail: izevich@yandex.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены социальные значимость и особенности применения рыночных социальных регуляторов. Особенностью проведенного обобщения в статье стали новые представления о месте и роль социальных регуляторов в деятельности малых предпринимательских структур.

Ключевые слова: социология, социальные регуляторы, экономика малого предпринимательства.

SHLAFMAN A. I.

FUNCTIONAL INFLUENCE OF SOCIAL REGULATORS ON SOCIAL AND ECONOMIC PROCESSES

The summary. This article considers the social importance and features of application of market-based social regulators. Feature of generalization in the article became the new ideas about the place and the role of the social regulators in the activity of small business structures.

Key words: sociology, social regulators, economy of small business.

Социальные регуляторы подразделяются на следующие группы: культурные, информационные, правовые, консалтинговые и организационные. Каждая из групп оказывает особое, специфическое влияние на общество и предпринимательство. Рассмотрим в данной статье каждый регулятор через призму степени их влияния на разных уровнях сферы предпринимательства.

Мы предлагаем ввести следующие определения эффективности и степени влияния социальных регуляторов на сферу малого бизнеса и малого предпринимательства (МП).

Мотиватор – «побуждение» – это форма воздействия, в основе которого лежит стимулирование, главным образом материальное, что определяет желаемое поведение. Воздействие

может представлять собой и убеждение в полезности, выгодности определенного поведения, организации и характере социальных связей, распределении и осуществлении тех или иных социальных ролей. Государство может быть ускорителем предпринимательского процесса, когда ведет постоянный и активный поиск мер по вовлечению в предпринимательский процесс новых экономических агентов. Органы власти субъектов Федерации стимулируют предпринимательство на повышение экономической эффективности, а также на участие в социальной политике региона. Они ведут постоянный и активный поиск способов по поддержанию малых предприятий. Данная политика реализуется путем использования в

основном правовых регуляторов, а также информационных и консалтинговых.

Руководство малого предприятия стимулирует работников главным образом материальными благами, которые определяют желаемое поведение. Социальное регулирование основывается на поощрении за соответствующее поведение. Наряду с материальным стимулированием, оно обращается к сознанию работников с целью повышения заинтересованности в конечном результате и достижении целей. Воздействие представляет собой убеждение в полезности хорошо трудиться, а также выгодности делового и официального поведения. Если руководство МП легитимно, то в своих отношениях с работниками оно должно руководствоваться только нормами Трудового кодекса, в противном случае работник имеет право обратиться в суд, и суд всегда встанет на сторону работника.

Выделение мотиваторов имеет принципиальное значение. Ведь именно их многие авторы называют мотивами. Отсюда у А. Н. Леонтьева появляются «знаемые» и «реально действующие» мотивы. Первые связаны с пониманием причин необходимости совершения того или иного поступка, проявления активности. Но эти причины не приводят к конкретному поступку или действию, не обладают побудительной силой. В процессе мотивации (при выборе цели и способов ее достижения) многие мотиваторы остаются только «знаемыми», «понимаемыми», а «реально действующими» становятся только те, которые приобретают наибольшую значимость для человека и приводят к формированию побуждения. Сформированный же мотив всегда действен, потому что включает в себя побуждение к достижению цели «здесь и сейчас». [1, стр. 85]

Демотиватор – «принуждение» – это прямой способ воздействия, при котором желаемое

поведение, обеспечивается возможностью применения насилия, а именно причинения лицам, отклоняющимся от установленных правил поведения, физических или психических страданий. То или иное поведение достигается возможностью государственного или общественного принуждения, а в необходимых случаях – и реализацией угрозы. Государство наряду с органами власти субъектов федерации могут тормозить предпринимательство, если осуществляет неоправданную и противоречащую политику, создает неблагоприятную обстановку для развития предпринимательства или даже запрещает его. Руководство малого предприятия может принуждать работников с помощью определенных систем штрафов либо лишения имущественных благ, привилегий и выгодных условий жизнедеятельности.

Стабилизатор – «нейтрализатор» – это способ воздействия, который смягчает влияние как внутренних, так и внешних факторов. Воздействие стабилизатора можно характеризовать как нейтральное, в основном оно сглаживает результаты действия демотиватора, являясь «противовесом». Государство наряду с органами власти субъектов федерации может просто оставаться нейтральным, прямо не противодействовать развитию предпринимательства, но в то же время и не способствовать этому развитию. При этом условии государство является «посторонним наблюдателем».

Руководство малого предприятия может просто оставаться нейтральным. Оно может прямо не противодействовать профессиональному росту своего работника, но в то же время и не способствует этому росту.

Далее определим положения данных показателей на шкале интенсивности влияния социальных регуляторов на малое предпринимательство.

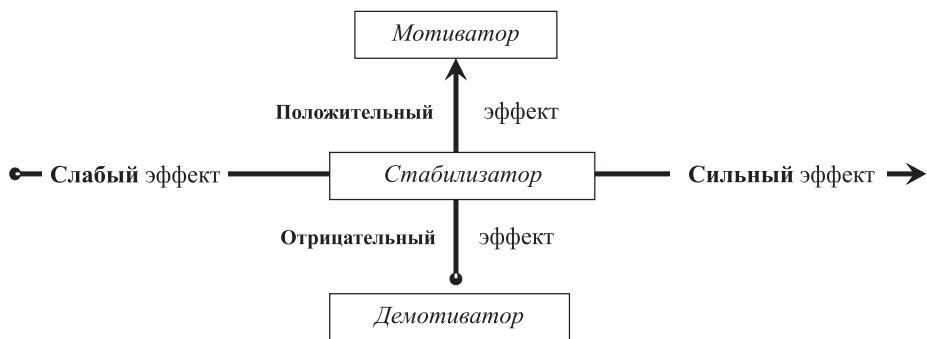

Схема 1. Классификация СР по степени влияния.

Из схемы 1 видно, что вышеперечисленные понятия могут обладать как слабым, так и сильным эффектом, что ценно для определения границ и переходов одного понятия в другое. Таким образом, социальные регуляторы имеют направленное воздействие, основанное на укреплении позиций завоеванных социально-экономических систем. Их специфика состоит не в самостоятельном формировании условий деятельности социально-экономических систем различной степени сложности, а в доработке и приведении к соответствуанию оптимальным условиям имеющихся, уже достигнутых результатов деятельности.

Сфера МП является весьма динамичной, поэтому активное участие социальных регуляторов в их деятельности способно оказать существенное воздействие на

экономическое развитие всего российского общества.

Влияние социальных регуляторов на МП – это один из наиболее интересных параметров. Этот параметр дает нам понять, какие группы регуляторов и на каких уровнях наиболее эффективно влияют на МП. Благодаря этому можно составить таблицу самых эффективных регуляторов в сфере МП. Довольно таки сложно объективно и четко выявить степень влияния социальных регуляторов на МП, вследствие разрозненности показателей в регионах страны и сложностью получения данных. Поэтому, воспользовавшись методом системного и контент-анализа, выделили из общего информационного фона те конкретные факты, которые могут дать базу для раскрытия влияния социальных регуляторов на сферу МП.

Список литературы

1. Ильин Е. Мотивация и мотивы – Спб.: Питер, 2003. – 512 с.

ФАБРИЧНОВА Татьяна Геннадьевна,
соискатель кафедры коммерческой деятельности
и предпринимательства Санкт-Петербургского
государственного инженерно-экономического
университета
E-mail: fabri@mail.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В настоящей статье представлены методические положения по определению необходимого и достаточного состава социальных регуляторов деятельности современных предпринимательских структур.

Ключевые слова: социальные регуляторы, социальные проблемы предпринимательства.

FABRICHNOVA T. G.

THE MAINTENANCE AND STRUCTURE OF SOCIAL REGULATORS OF ENTERPRISE ACTIVITY

The summary. In the present article methodical positions by definition of necessary and sufficient structure of social regulators of activity of modern enterprise structures are presented.

Key words: social regulators, social problems of business.

Как было рассмотрено ранее, жизнедеятельность общества – это сложное социально-экономическое и политическое явление. Его возникновение и развитие детерминируется определенными факторами и осуществляется по определенным закономерностям. По отношению к предпринимательству, как неотъемлемой части общества, понятие детерминации заменяется, как правило, понятием регуляции. В обыденном значении понятие «регуляция» означает упорядочивание, налаживание чего-то в соответствии с определенными правилами, развитие чего-то с целью привести в систему, соразмерить, установить порядок. Деятельность сферы малого предпринимательства включается в широкую систему социальной регуляции.

Функциями социальной регуляции являются формирование, оценивание, поддержание, защита и воспроизведение необходимых субъектами регулирования норм, правил, механизмов, средств, обеспечивающих существование и воспроиз-

водство типа взаимодействия, взаимоотношений, общения, деятельности, сознания и поведения сферы предпринимательства как части общества. Субъектами регуляции сферы предпринимательства выступают общество, государство, администрации районов, руководство компаний и фирм. В широком смысле слова регуляторами сферы предпринимательства являются «мир вещей», «мир людей» и «мир идей». По принадлежности к субъектам регуляции можно выделить общественные, политические, экономические, социальные, правовые, психологические и личностные факторы регуляции, которые, в свою очередь, разделяются по параметру объективного (внешнего) и субъективного (внутреннего).

Нами было установлено, что среди всех трудов и научных работ по социальному регулированию отсутствует комплексный подход в области предпринимательства. Это можно охарактеризовать следующими пунктами:

- отсутствует, научная база и практические исследования комплексного влияния социальных регуляторов на предпринимательство;
- отсутствует комплексный подход к изучению социальных регуляторов, их классификация и типология;
- отсутствует объективная характеристика социальных регуляторов – показатели эффективности их влияния на малое предпринимательство;
- отсутствует разделение влияния социальных регуляторов по уровням: макро уровень – государство в целом, мезо уровень – муниципальное образование, регион, город и микро уровень – одно предприятие, подпадающее под основные условия и характеристики.

Выделяя теорию социальных регуляторов в отдельный предмет исследования, перед нами встает задача произвести комплексный анализ их исторического становления и развития. Диапазон подходов к проблеме социального регулирования весьма широк (рис. 2): от религиозных до классовых, от бихевиористских до кибернетических. Это обусловлено тем, что человечество всегда стремилось осмыслить не только свои организационные формы существования, но и способы, обеспечивающие это существование и взаимодействие членов общества. В свою очередь, каждый подход является весьма структурированным. Рассмотрим основные из них.

Религиозный подход о социальном

регулировании варьируется от утверждений, что все в поведении человека предопределено Божьей волей, а целью жизни является следование ей. До признания того, что человек, хотя и создан божественным началом, но наделен свободой воли и несет ответственность за все свои дела.

Суть классового подхода заключается в противопоставлении воли главенствующего класса эксплуататорскому классу.

Расовый подход можно проиллюстрировать следующей теорией.

По классификации Линнея (1707 – 1778 гг.), весь человеческий род делится на четыре расы, и в каждой расе выделяются свои особые социальные регуляторы.

Американская раса. Красноватого цвета кожа, черные прямые волосы, широкие ноздри, лицо покрыто веснушками, подбородок почти совсем лишен волос. По характеру упрям, свободен, самодоволен, вынослив. Социальный регулятор – обычай.

Европеец. Белого цвета кожа, волосы светлые, вьющиеся, глаза голубоватые. По характеру подвижен, изобретателен, остроумен. Социальный регулятор – законы.

Азиатская раса. Кожа желтоватого цвета, волосы темные, глаза карие. По характеру жесток, любит роскошь, скуп. Социальный регулятор – общественное мнение.

Африканец. Кожа гладкая, черного цвета. Черные, как мгла, взъерошенные жесткие волосы, нос сплюснутый, губы толстые. Социальный регулятор – произвол. [3, стр. 158]

Рис.1. Подходы к решению проблем социального регулирования.

Бихевиористский подход сводит социальное регулирование к влиянию правил, установленных обществом, на поведение человека и созданию рамок поведения.

В русле последнего – кибернетического подхода – социальное регулирование определяется как воздействие на общественные отношения и социальные процессы, которое придает объекту регулирования обусловленные характеристики. Особенno значительной становится роль нормы, которая определяется субъектом регулирования или формируется самопроизвольно и задает необходимое или желаемое состояние объекту регулирования.

Систематизируя научные знания о существующих подходах, мы обоснованно делаем заключение о том, что современная научная мысль широко освещает вопросы теоретического обоснования социально-экономических процессов. Недостаточно внимания уделяется методической составляющей, инструментов социально-экономического регулирования, таким образом, мы переходим к рассмотрению определения социальных регуляторов, как инструментов социально-экономического регулирования различных отношений и остановимся на нескольких из них для детальной характеристики.

Формируя понятийный аппарат исследования, мы выделяем следующие определения.

Социальные изменения – это переход социального объекта из одного состояния в другое, т. е. любая модификация социальной организации общества, его социальных институтов и социальной структуры, установленных в нем образцов поведения. Социальные изменения бывают медленными, циклическими, поступательными, ускоренными, экстенсивными и интенсивными. Как правило, социальные изменения являются предпосылкой социального развития общества в определенном направлении.

Социальное развитие – это процесс, в ходе которого происходят существенные количественные и качественные изменения в социальной сфере, социальных отношениях, социальных организациях. Социальное развитие многообразно, наиболее изученными являются эволюционное, революционное и циклическое развитие. Социальное изменение и развитие проходит благодаря влиянию внешних и внутренних факторов. Сфокусированное влияние фактора на объект имеет конкретную цель и обладает

регулятивным основанием.

Регулятор (лат. regula – норма, правило) – это то, что регулирует и направляет развитие чего-либо с целью привести в систему (упорядочивать, рычаг).

Социальное (лат. societas – общество) – относящиеся к жизни людей и их отношениям в обществе. [1, стр. 16]

- 1) социальное – это свойство, внутренне присущее индивидам и общностям, формирующееся в результате процесса социализации и интеграции человека в обществе;
- 2) социальное отражает взаимодействие между субъектами как результат выполняемых человеком социальных ролей, которые он берет на себя, становясь членом общности;
- 3) социальное есть результат взаимодействий и может быть выражено в культуре, оценках, ориентациях, поведении, духовной деятельности и образе жизни людей. [2, стр. 86]

Социальное регулирование – целенаправленное управляющее воздействие, ориентированное на поддержание равновесия в управляемом объекте и развитие его посредством введения регуляторов (норм, правил, целей, связей). Социальное регулирование представляет собой «косвенное» управление и осуществляется (наряду с «прямым») через задание объекту требуемого результата и путей его достижения. Посредством социального регулирования создаются возможности и ограничения деятельности, которые должны вызвать в управляемом объекте мотивацию и целеполагание, желаемые с точки зрения субъекта управления. [5, стр. 156]

Социальный регулятор – это инструмент воздействия на деятельность хозяйствующего субъекта социально-экономической системы, направленный на совершенствование общественных отношений между потребителями благ и предпринимательством.

Социально-экономические отношения – это та среда, в которой живут и действуют все люди. Данная среда многогранна и изменчива, ее состояние зависит от многих показателей и на нее влияют многие факторы, в зависимости от субъекта приложения влияния.

Социальные регуляторы имеют направленное

действие, для лучшего понимания их роли в деятельности предпринимательских структур следует выделить социальные функции предпринимательства:

- вклад в занятость общества, создание рабочих мест, законное исполнение трудовых отношений и социальная ответственность;
- удовлетворение общественного спроса, сообразно с этим возникает специализация (изучение индивидуальных запросов населения), концентрация производства, а также стремление к кооперации и инновациям;
- социально-экономическая социализация предпринимателей и становление института предпринимательства.

Предпринимательство имеет ряд исторически сформировавшихся черт в обществе, эти черты частично выступают социальными регуляторами. К основным чертам предпринимательской деятельности относятся менталитет, этические нормы, традиции и верования.

Предпринимательство включено в сложную систему общественных отношений. Все виды отношений – производственные, нравственные, правовые, политические, религиозные, идеологические – определяют реальные, объективные, должные и зависимые отношения в предпринимательстве. Для осуществления этих отношений существуют многообразные виды регуляторов.

Широкий класс внешних регуляторов занимают все социальные явления с определением «социальный», «общественный». Сюда относятся общественное производство, общественные отношения, социальные движения, общественное мнение, социальные потребности, общественные интересы, общественные настроения, общественное сознание, социальная напряженность, социально-экономическая ситуация. К общим факторам общечеловеческой детерминации (может работать один предприниматель в фирме) относятся образ жизни, стиль жизни, уровень благосостояния, социальный контекст.

В сфере духовной жизни общества регуляторами предпринимательского поведения выступают мораль, этика, менталитет, культура, субкультура, архетип, идеал, ценности, образование, идеология, СМИ, мировоззрение, религия. В сфере политике – власть, бюрократия,

социальные движения. В сфере правовых отношений – право, закон. Общечеловеческими регуляторами выступают язык, символ, традиции, ритуалы, обычаи, привычки, стандарты, социальные установки, экология.

Более узкий объем внешних регуляторов составляют социально-психологические явления. Прежде всего, такими регуляторами выступают большие социальные группы (классы, слои, профессии), малые социальные группы (группа, сообщество, коллектив, организация), групповые явления (климат, мнение, отношения, традиции). К общим социально-психологическим феноменам, регулирующим социально поведение предпринимательства, относятся символы, традиции, предрассудки, коммуникации, слухи, стереотипы. Универсальной формой выражения социальных факторов, регулирующих поведение, являются социальные нормы. Их обстоятельный анализ содержится в трудах М. И. Бобневой [3, стр. 56].

Социальные нормы представляют собой руководящее начало, правило, образец, принятые в данной общности стандарты поведения, регламентирующие отношения людей. Социальные нормы различаются по своему содержанию, по сферам действия, по форме санкционирования, по механизмам распространения. Например, **правовые нормы** вырабатываются, формулируются, утверждаются специальными государственными учреждениями, устанавливаются специальным законодательным путем, поддерживаются государством. Они всегда вербализованы, отражены в словесных конструкциях, объектированы в сводах законов, кодексах, уставах, отражены в нормативных актах.

Кроме писанных и неписанных общечеловеческих норм, которые позволяют оценивать поведение, регулировать его, существуют нормы, принятые в той или иной общности. Эта общность может быть как формальной, так и неформальной, иногда достаточно узкой по своему составу. Часто эти нормы регулируют отрицательные, с точки зрения большинства и государства, асоциальные формы поведения. Это – групповые нормы, регулирующие поведение отдельных групп и личностей.

Этические нормы – нормы морали и нравственности – складываются исторически, регулируют поведение людей, соотнося его с абсолютными принципами (добра и зла), эталонами, идеалами (справедливости).

Моральные нормы – это, как правило, неписанные нормы поведения. Моральные нормы регулируют общественное поведение, групповое и личное.

Близкими по своему содержанию, способу происхождения и механизму воздействия к этическим нормам являются **нормы религиозные**. От общечеловеческих норм их отличают конфессиональная принадлежность, более узкая общность, определяющая нормы и принимающая их как установления и правила поведения (заповеди разных религий). Эти нормы различаются по степени их нормативности (жестокости): действия религиозных норм фиксируются в церковных канонах, священных писаниях и заповедях, в неписанных правилах отношения к божественным, духовным ценностям.

Эти нормы регулируют, санкционируют, оценивают, призывают, побуждают людей осуществлять те или иные действия в системе взаимодействий и взаимоотношений людей, в деятельности организации как целостного социального образования.

К внутреннему регуляционному блоку относится мотивационно-потребностная и волевая сфера личности. Исследования В. Г. Асеева показали, что различные особенности мотивационной системы, такие как иерархический, многоуровневый характер, двухмодульное (положительное-отрицательное) строение, оказывают специфическое регулирующее влияние на социальное поведение личности. Мотивация, мотив, мотивировка осуществляют пусковой механизм регуляции поведения. Основным источником мотивации являются потребности человека. Волевые процессы (желание, стремление, борьба мотивов, принятие решения, осуществление волевого действия, совершение поступка) служат завершающим этапом социальной регуляции предпринимательского поведения.

Вопросы о вмешательстве государства в жизнедеятельность личности как носителя предпринимательской инициативы, об этической стороне регуляции поведения, о формах регуляции, о границах и допустимости ее целей, средств и приемов имеют огромное социальное значение. Наряду с регуляцией личности, вопрос о регуляции предпринимательства является не менее важным. Социальное значение регулирования предпринимательства заключается и в том, что результат

регулирования может быть как положительным, общественно значимым, так и отрицательным, противоречащим установкам и нормам общества.

В неблагоприятных социальных условиях могут формироваться группы асоциальные по своим устремлениям, способствующие противопоставлению интересов группы и ее членов интересам общности и общества в целом. Например, пробелы в законодательстве позволяют группам предпринимателей заниматься рейдерством, т. е. захватом фирм, компаний, заводов под разными предлогами и с использованием всевозможных методов, в том числе и насилие над личностью.

Объектом нашего исследования будет выступать деятельность, связанная с регулированием способов хозяйствования малых предприятий. Таким образом, нами предлагается уточнить понятие социальный регулятор в части обеспечения эффективности деятельности малых предприятий.

Социальный регулятор в секторе МП – это целенаправленное управляющее средство воздействия на общественные отношения в сфере малого предпринимательства.

Каналами регулирования являются большие и малые группы, общественные институты, совместная деятельность людей, общение, СМИ. Механизмы регуляции подразделяются на социально-психологические, финансово-экономические, политические и включают в себя внушение, подкрепление, пример, пропаганда, реклама, социальное планирование и прогнозирование, дотации, особые налоговые условия, специальные ставки и т. д. Между объективными (внешними) и субъективными (внутренними) регуляторами существует постоянная взаимосвязь. При этом важно отметить два обстоятельства. Во-первых, творцом преобладающего числа внешних регуляторов является человек с его субъективным, внутренним миром. Значит «человеческий фактор» изначально включен в систему регуляции предпринимательства. Во-вторых, рассмотрим диалектико-материалистический принцип детерминизма, сформулированный С. Л. Рубинштейном. Согласно этому принципу, внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия. Внешние регуляторы выступают как внешние причины действия сферы предпринимательства, а внутренние регуляторы выполняют функцию той призмы, через грани которой преломляется

действие этих внешних детерминант.

В данной статье мы не делим регуляторы на внешние и внутренние по причине их комплексного изучения на трех основных уровнях общества и анализа обеих составляющих. Для выявления регуляторов, оказывающих влияние на предпринимательство, необходимо получить ответы на следующие вопросы: Как этот регулятор непосредственно влияет на малое предпринимательство? Можно ли этот регулятор классифицировать по уровню и виду влияния? Ответив на эти вопросы, мы разложили социальные регуляторы на группы по функциональному признаку, влияния на предпринимательство.

Социальные регуляторы в секторе малого предпринимательства это комплексное понятие, состоящие из нескольких групп (см. рисунок 2). Мы исходим из того, что всякое распределение понятия на элементы служит не только средством систематизации, но и предпосылкой научного анализа изучаемого объекта, и в его основу должны быть положены наиболее существенные признаки, имеющие объективный характер. Методологической основой разделения социальных регуляторов на группы является логический анализ, формирование иерархических структур, компаративный метод, системный анализ, теоретическое обобщение и типологизация.

Рис. 2. Группы социальных регуляторов

Основа распределения регуляторов – это их качество, т. е. совокупность существенных признаков, отличающих одни регуляторы от других. К тому же, для систематизации регуляторов в группы были проанализированы социальные функции предпринимательства, выделены особые черты и получены ответы на ряд вопросов. Сфера предпринимательства динамична и перспективна, имеет огромный потенциал, поэтому активное участие социальных регуляторов в ее деятельности способно оказать существенное

воздействие на социально-экономическое развитие всего российского общества.

Однако постоянство социальных регуляторов весьма относительно. Регуляторы, говоря образно, подбирают строительные элементы общества и, имея определенную социальную форму, могут изменяться или заменяться другими. Признавая изменчивость конкретных форм регуляторов, необходимо отметить, что консервативный подбор должен пользоваться такими формами, которые могут существовать долговременное нежели

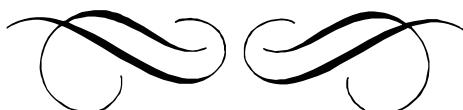
формы поддержания равновесия или прогрессивного подбора. Иными словами, трансформация формы регулирования, выполняющей функцию консервативного подбора равнозначна замене данной функции. Конкретные формы социального регулирования, опредмеченные в определенных социальных структурах, институтах и т. п. достаточно изменчивы. К примеру, за последние полтора столетия сменились институты социального регулирования, а вместе с тем изменились и взгляды социологов. В свое время Конт в качестве «социальных основ» полагал, что государство, религия и семья – социальные структуры, осуществляющие столь же определенные социальные функции. В дальнейшем, через столетие Парсонс описывает основы социальной системы с точки зрения ее структуры и функций, предложив структурные элементы (блоки): 1) адаптация, 2) достижение цели, 3) интеграция и 4) латентность. В 60-годы концепция Парсонса подверглась критике, по мнению Миллза, ее главная слабость в том, что она не может объяснить социальных изменений. В этом заключается познавательный парадокс – исследование

социальных основ общества лишает ученого возможности объяснить социальные изменения. Особенно сложно объяснить основы обществ, в которых происходят сложные динамические процессы, связанные с коренными преобразованиями.

В этой связи социальная система понимается как определенное поле социальных координат, образующееся как объективный результат функционирования социума и задающее индивиду сферу его действия: функционирования, развития, взаимодействия, мотивации, социальной ориентации и т. п. Сложившись, эти координаты закрепляются в особенностях, стереотипах поведения и мышления отдельных индивидов. Поэтому два индивида оказавшись вне пределов своего социума, взаимодействуя друг с другом, в состоянии воспроизвести модель своего социума. Однако стоит признать, что отдельный индивид, оказавшись в иной социальной системе, будучи в нее включен, вынужден будет адаптироваться к ней. Российская социальная система, понимается нами как система долговременных социальных регуляторов, задающих условия социальной деятельности индивидов.

Список литературы

1. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. – М.: Наука, 1978. – 304 с.
2. Бобнева М. И. Производственная организация как социальный институт и его изменение. – М., 1970. – 308с.
3. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. – М., 1989. Кн.1.
4. Волков Ю.Г., Добреков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология: Учебник / под ред. проф. Ю.Г. Волкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гардарики, 2002. – 512 с.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. 2-е изд., доп. – М., 2000. – 849 с.
6. Схема AGIL – по первым буквам английских слов. См.: Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1997. – 253 с.
7. Харчева В.Г. Основы социологии: Учебник для студентов сред. спец. учеб. заведений. – М.: Логос, 2000. – 302 с.

РАДУШИНСКАЯ Александра Игоревна,
доцент кафедры финансов и банковского дела
Санкт-Петербургского государственного
инженерно-экономического университета,
кандидат экономических наук
E-mail: alerad@bk.ru

Специальность 08.00.05 – Экономика и
управление народным хозяйством

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ КАК МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. Данная статья рассматривает социальные отношения внутри современных предприятий с точки зрения сглаживания конфликтов, путем наделения профсоюзных организаций дополнительными полномочиями

Ключевые слова: профессиональные союзы, социальные партнерства.

RADUSHINSKAJA A. I.

TRADE UNIONS AS MECHANISMS OF SOCIAL PARTNERSHIP

The summary. Given article considers social relations in the modern enterprises from the point of view of smoothing of conflicts, by investment of the trade-union organizations with additional powers.

Key words: trade unions, social partnership.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. устанавливает следующую систему профсоюзных организаций:

- общероссийский профсоюз;
- общероссийское объединение (ассоциация) профсоюзов;
- межрегиональный профсоюз;
- межрегиональное объединение (ассоциация) организаций профсоюзов;
- территориальное объединение (ассоциация) организаций профсоюзов;
- территориальная организация профсоюза;
- первичная профсоюзная организация.

Рассмотрим каждый уровень более подробно.

[10]

Федеральный уровень.

На **федеральном уровне** общероссийские объединения профессиональных союзов участвуют в таких формах социального партнерства, как

- ведение коллективных переговоров и подготовка проекта генерального соглашения,

- содействие договорному регулированию социально-трудовых отношений,
- участие в согласовании позиций сторон Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений,
- участие в проведении консультаций по вопросам, связанным с разработкой проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области социально-трудовых отношений, федеральных программ в сфере труда, занятости населения, миграции рабочей силы, социального обеспечения. В частности, межразрядные тарифные коэффициенты Единой тарифной сетки по оплате труда работников организаций бюджетной сферы утверждаются Правительством РФ по согласованию с общероссийскими объединениями профсоюзов и общероссийскими объединениями работодателей*.

Общероссийские объединения профсоюзов участвуют и в разработке методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения;

- участие в деятельности координационных комитетов содействия занятости населения;
- по согласованию с общероссийскими объединениями профсоюзов либо с соответствующими общероссийскими профсоюзами утверждаются Уставы (положения) государственных фондов социального страхования, занятости, медицинского страхования, пенсионного и других фондов, формируемых за счет страховых взносов.

На данном уровне устанавливаются основы регулирования отношений в сфере труда в Российской Федерации. На федеральном уровне постоянно действует Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений, членами которой являются представители общероссийских объединений профсоюзов, общероссийских объединений работодателей, Правительства Российской Федерации. [11]

По мнению автора, при принятии решения на данном уровне, оно будет иметь абсолютную силу и распространяться на все уровни.

При заключении соглашений на федеральном уровне должно быть соблюдено правило о неухудшении положения работников по сравнению с федеральным законодательством. Необходимость особого внимания к точному формулированию условий социально-трудовых соглашений и их соответствуанию законодательству сегодня отмечается ведущими специалистами в области социального партнерства, с чьим мнением по данному вопросу нельзя не согласиться [8, стр. 49]. В частности, льготы и гарантии работников не могут быть отменены или уменьшены при заключении соглашения, тогда как в содержании соглашений могут быть установлены дополнительные, по сравнению с федеральным законодательством, права работников, реализация которых обеспечивается за счет средств участников соглашений. Обжаловать соглашения на данном уровне могут только Верховным Судом Российской Федерации.

В связи с необходимостью регулирования

социально-трудовых отношений на федеральном уровне действует Генеральное соглашение от 21 декабря 2007 г. между общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2008 – 2010 гг. В своём выступлении Председатель Правительства РФ В. Зубков после завершения процедуры подписания генерального соглашения отметил: «В общем, документ получился добротный. Главное теперь – его исполнение. Генеральное соглашение должно стать одним из основных инструментов решения актуальных социально-экономических задач, реализации одного из основных положений Конституции России – о социальном государстве». [1, стр. 69]

Межрегиональный уровень, устанавливающий основы регулирования отношений в сфере труда в двух и более субъектах Российской Федерации.

Рассматриваемый уровень был включен в систему социального партнерства на основании поправок в ТК РФ, внесенных Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ. До этого в РФ действовала пятиуровневая система социального партнерства. Но поскольку сложилась практика заключения соглашений на уровне федеральных округов, система социального партнерства была дополнена межрегиональным уровнем. Получается, что взаимодействие между работниками, работодателями и уполномоченными органами власти происходит не только в пределах одного субъекта Федерации, как это было ранее, но и между всеми заинтересованными сторонами двух и более регионов.

Идею о введении межрегионального уровня, еще ранее, выдвинули В. Н. Киселев и В. Г. Смольков: «Сегодня в России можно говорить о формировании еще одного уровня социального партнерства – федерально-окружного». [1,стр. 99]

Межрегиональный уровень позволяет устанавливать общие основы регулирования отношений в сфере труда путем заключения соглашений в тех субъектах Российской Федерации, в отношении которых принят Федеральный конституционный закон об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения существующих на основании ст. 65 Конституции Российской Федерации субъектов Российской Федерации. Данные соглашения могут действовать в течение

всего переходного периода образования нового субъекта Российской Федерации. [11]

Однако в связи с деятельностью транснациональных корпораций (ТНК) на территории многих стран, включая Россию, перспективы социально-экономического развития требуют выделения и других уровней социального партнерства. Видимо, каждое государство, допуская деятельность ТНК на своей территории, должно регулировать социально-партнерские отношения в организациях, входящих в ТНК и действующих на его территории. Такое регулирование возможно путем установления более высоких требований к условиям труда, учитывая, что в организациях ТНК интенсивность труда, как правило, выше, чем в российских. [3,стр. 79]

Несмотря на то что дополнение системы соглашений еще одним их видом можно оценить положительно в плане развития социально-партнерского регулирования трудовых отношений на новом уровне, следует отметить, что нередко проблемы участников соглашений данного вида различны, общих органов у них также нет, и поэтому поиск «точек соприкосновения» и путей решения социально-трудовых вопросов не всегда эффективен.

Региональный уровень, устанавливающий основы регулирования отношений в сфере труда в субъекте Российской Федерации.

На данном уровне взаимоотношения сторон также складываются как трехсторонние. В субъектах Российской Федерации образуются трехсторонние комиссии, деятельность которых осуществляется в соответствии с законами субъектов РФ, которые регламентируют деятельность территориальных трехсторонних комиссий, действующих в рамках определенных территорий.

Соглашения, заключаемые на уровне субъектов Российской Федерации, должны соответствовать федеральному и региональному законодательству, в них следует учитывать льготы и преимущества, предусмотренные при заключении соглашений на федеральном уровне.

Специфика региональных трехсторонних соглашений (в отличие от отраслевых тарифных), в первую очередь, заключается в их ориентации на улучшение социального климата и социальное благополучие в регионе в целом. [1,стр. 229] Это выражается в принятии согласованных программ

обеспечения жильем определенных категорий граждан, в работе инфраструктуры жизнеобеспечения, контроле и возможном регулировании цен и тарифов на социальные услуги.

В региональных соглашениях также могут быть предусмотрены дополнительные, по сравнению с федеральным и региональным законодательством, права работников, реализация которых обеспечивается участниками соглашений.

Отраслевой уровень, устанавливающий основы регулирования отношений в сфере труда в отрасли.

На отраслевом уровне могут образовываться комиссии для ведения коллективных переговоров, подготовки проектов отраслевых (межотраслевых) соглашений и их заключения. Отраслевой уровень социального партнерства может охватывать как всю Российскую Федерацию в целом, так и отдельные ее регионы или территории. [10] Соответственно, отраслевые комиссии могут образовываться как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта Российской Федерации. Именно на этом уровне осуществляется регулирование трудовых отношений работников предприятий.

Отраслевое соглашение содержит взаимные обязательства сторон о сотрудничестве, осуществлении совместных мер, направленных на обеспечение достойной жизни работников предприятий, повышение эффективности производства, создание здоровых и безопасных условий труда, охрану окружающей среды; совершенствование организации и оплаты труда; обеспечение роста заработной платы; реализацию в полном объеме программ социальной защиты работников, пенсионеров, инвалидов отрасли; повышение профессионального уровня работников.

В нем предусматривается выполнение минимальных социальных гарантий и льгот работникам и их семьям и право работников на расширение этих гарантий при заключении коллективных договоров, соглашений. Соглашение содержит обязательство со стороны работодателей: заключение коллективных договоров, соглашений с работниками организаций отрасли в лице их представителей – соответствующих организаций профсоюза. Коллективные договоры, заключаемые в организациях, не должны ухудшать положение работников по сравнению с установленным Отраслевым соглашением.

На отраслевом уровне социального партнерства профсоюзы участвуют в коллективных переговорах по поводу заключения региональных и отраслевых соглашений, деятельности региональных трехсторонних комиссий, в проведении консультаций и экспертизе проектов нормативных актов органов исполнительной власти, участвуют в рассмотрении органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также работодателями и их объединениями своих предложений, содействуют разработке и реализации программ по проблеме занятости.

Территориальный уровень, устанавливающий основы регулирования отношений в сфере труда в муниципальном образовании.

На территориальном уровне могут образовываться трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, деятельность которых осуществляется в соответствии с законами субъектов Российской Федерации, положениями об этих комиссиях, утверждаемыми представительными органами местного самоуправления.

На данном уровне соглашения заключаются на территории отдельных муниципальных образований. Они должны соответствовать федеральному и региональному законодательству. В их содержание также могут включаться дополнительные по сравнению с федеральным и региональным законодательством льготы и преимущества работников. [3, стр. 129]

На территориальном уровне профсоюзы участвуют в коллективных переговорах по поводу заключения территориальных соглашений, в деятельности координационных комитетов занятости населения, деятельности трехсторонних комиссий. [9]

Локальный уровень, устанавливающий конкретные взаимные обязательства в сфере труда между работниками и работодателями.

На уровне организации образовывается

комиссия для ведения коллективных переговоров, подготовки проекта коллективного договора и его заключения.

Социальное партнерство на локальном уровне предполагает участие работников, их представителей в управлении организацией, предоставляет им возможность участвовать наравне с работодателем в поиске социального консенсуса и приемлемых для обеих сторон трудового правоотношения компромиссов. [2, стр. 129] Действительно, демократизация всех сфер жизни и либерализация социально-трудовых отношений поставили вопрос о необходимости партнерских отношений между работниками и работодателями на уровне организации, выявления общих целей, объединяющих участников производственно-трудового процесса. [1, стр. 29]

Основой регулирования социально-трудовых отношений во внебюджетных организациях (предприятиях) в настоящее время являются коллективные договоры. В соответствии со ст. 40 ТК РФ коллективные договоры заключаются на уровне организации, то есть на локальном уровне. Коллективные договоры являются источниками трудового права, так как в них закрепляются правила поведения, обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение. Кроме этого, в них устанавливается перечень форм участия работников в управлении организацией. На основе таких договоров производится коллективно-договорное регулирование заработной платы и установление социальных гарантий на уровне организаций (предприятий).

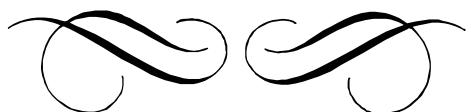
На уровне организации первичная профсоюзная организация представляет интересы работников при заключении, изменении коллективного договора, осуществлении контроля его выполнения, при реализации права на участие в управлении организацией, рассмотрении трудовых споров работников с работодателем, а также иных формах социального партнерства.

Примечания

* Ст. 2 Федерального закона РФ от 25.10.2001 г. «О тарифной ставке (окладе) первого разряда Единой тарифной сетки по оплате труда работников организаций бюджетной сферы»

Список литературы

1. Дмитриев А. В. Конфликтология. – М., 2000.
2. Кибанов А. Я, Ворожейкин И. Е., Захаров Д. К., Коновалова В. Г. Конфликтология. – М.: «Инфра-М», 2008.
3. Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый. – М.: «Комби-7», 1992.
4. Михайлов В. И. Как принимать решения. – СПб.: «Химера», 1999.
5. Мескон М. и др. Основы менеджмента. – М.: Вильямс. 2007. – 425 с.
6. Большаков А.С. Менеджмент. – СПб.: Питер, 2001. – 321 с.
7. Большаков А.С., Михайлов В.И. Современный менеджмент: теория и практика. – СПб.: Питер, 2002. – 236 с.
8. Большаков А.С. Антикризисное управление: финансовый и системный аспекты. – СПб.: СПбГУП, 2009. – 265 с.
9. www.attac.ru/articles.htm;
10. www.ecsoc.msses.ru
11. <http://fnpr.org.ru/>

ГРИБАНОВ Алексей Валентинович

доцент кафедры управления Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
кандидат экономических наук
E-mail: al.gribanov@gmail.com

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством

АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ФОРМ И ПОДХОДОВ К СТРУКТУРЕ ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены социальные формы и современные подходы к управлению внутриорганизационным поведением современных предпринимательских структур.

Ключевые слова: социальные формы поведения.

GRIBANOV A. V.

THE ANALYSIS OF EXISTING SOCIAL FORMS AND APPROACHES TO STRUCTURE OF INTRAORGANIZATIONAL BEHAVIOUR

The summary. In article social forms and modern approaches to management within the enterprise are considered by behavior of modern enterprise structures.

Key words: social forms of behavior.

В литературе не выделяется отдельных подходов к понятию «внутриорганизационное поведение» и его структуре. Поскольку мы определяем внутриорганизационное поведение как часть организационного, то рассмотрим подходы к структуре организационного поведения и выделим элементы, имеющие отношение к структуре внутриорганизационного поведения. Организационное поведение является достаточно новой, сложной и противоречивой областью менеджмента, получившей развитие в США в 50-е годы прошлого века. Формирование науки началось в недрах социологии и психологии, которые изучают устойчивые и повторяющиеся явления в индивидуальном поведении, закономерности формирования, укрепления, развития и распада человеческих групп. Практика управления организацией нуждается не только в новых идеях, но и в конкретном их использовании, применении. Организационное поведение в современном виде представляет собой интеграцию, по крайней мере, двух традиционных

для школ бизнеса научных дисциплин – человеческих отношений и управления.

Мы предлагаем рассмотреть подходы различных авторов к структуре организационного поведения.

Один из подходов к структуре организационного поведения иллюстрирует рис.1. «Для понимания организационного поведения и для эффективного управления персоналом организации необходимо изучить характер влияния вышеуказанных факторов и выработать методы их анализа, проектирования корректировки с учетом целей личности и организаций», – пишет А. А. Крупанин [3, стр. 36].

Таким образом, в структуре каждого параметра автор выделяет ряд составляющих. Так, например, личностные параметры состоят из социально психологических качеств личности; параметры организации – из организационно-технических параметров, условий труда, стиля и методов управления. К параметрам внешней среды автор относит уровень культуры, законы и

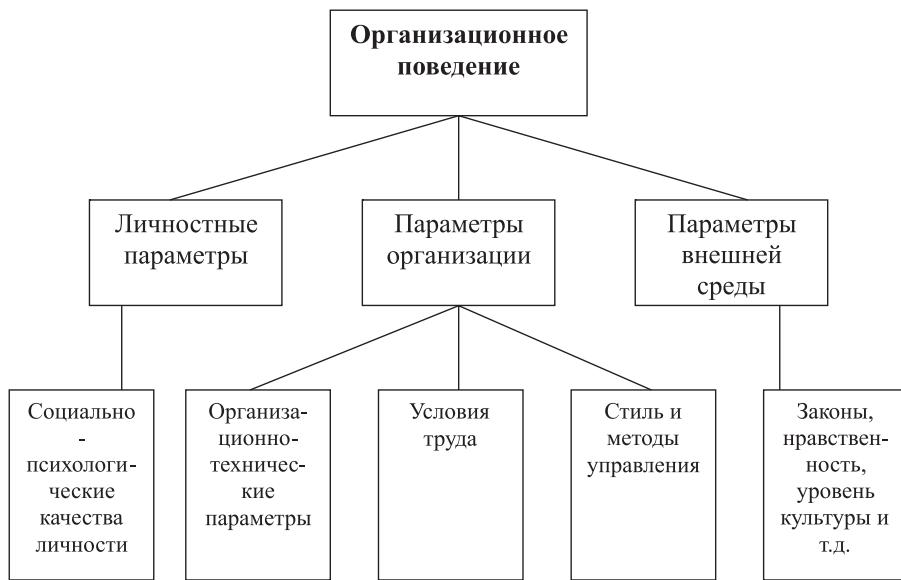

Рис. 1 Факторы, обуславливающие организационное поведение

нравственность.

Рассмотрим другую точку зрения на структуру организационного поведения. В своей работе Н. Ф. Бердичевская представляет структуру организационного поведения так, как это продемонстрировано на рис. 2.

Также интересной представляется точка зрения Р. Дафта. [2, стр. 78], который утверждает, что менеджер «должен уметь заглядывать в тайну индивидуальных значений поведения в ситуации настоящего момента и в будущем. Для этого менеджер должен знать принципы организационного поведения, т. е. того, как индивиды и группы ведут себя в организации. Обладая познаниями в таких областях, как установки, личность, перцепция, обучение и управление стрессом, менеджеры могут понять коллег и подчиненных, могут помочь им преодолеть многие рабочие трудности». Таким образом, Р. Дафт относит к составляющим организационного поведения вышеозначенные области.

Рассмотрим еще одну точку зрения. Авторы учебного пособия «Организационное поведение», допущенного Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Менеджмент организации» и «Управление персоналом», Г. А. Васильев и Е. М. Деева [3, стр. 58], разделяют точку зрения О. С. Виханского [1, стр. 45] и определяют т. н. силы, определяющие организационное поведение

и описывают их следующим образом:

Люди. Сотрудники организации образуют ее внутреннюю социальную систему, включающую индивидов и группы (большие и малые, формальные и неформальные). Одна из основных характеристик групп – их высокая динамика (формирование, развитие и распад). Люди (сотрудники) – это живые, думающие, чувствующие существа, деятельность которых направлена на достижение поставленных перед организацией целей. Мы должны помнить, что организации существуют, чтобы служить людям, и никак не наоборот.

Современные организации существенно отличаются от своих предшественниц. В частности, качественно иной, более разнообразный характер приобретает рабочая сила (высокие личные способности и уровень образования, видение перспектив). Менеджеры должны не только осознавать неизбежность различных образцов поведения сотрудников, но и быть готовыми адаптироваться к ним.

Организационные структуры.

Организационная структура определяет *формальные отношения* между людьми и позволяет использовать их для достижения целей компании. Осуществление различных видов деятельности предполагает, что в организации трудятся представители разных профессий, занимающие различные должности: менеджеры и рабочие, бухгалтеры и уборщицы. Эффективная координация их усилий предполагает разработку

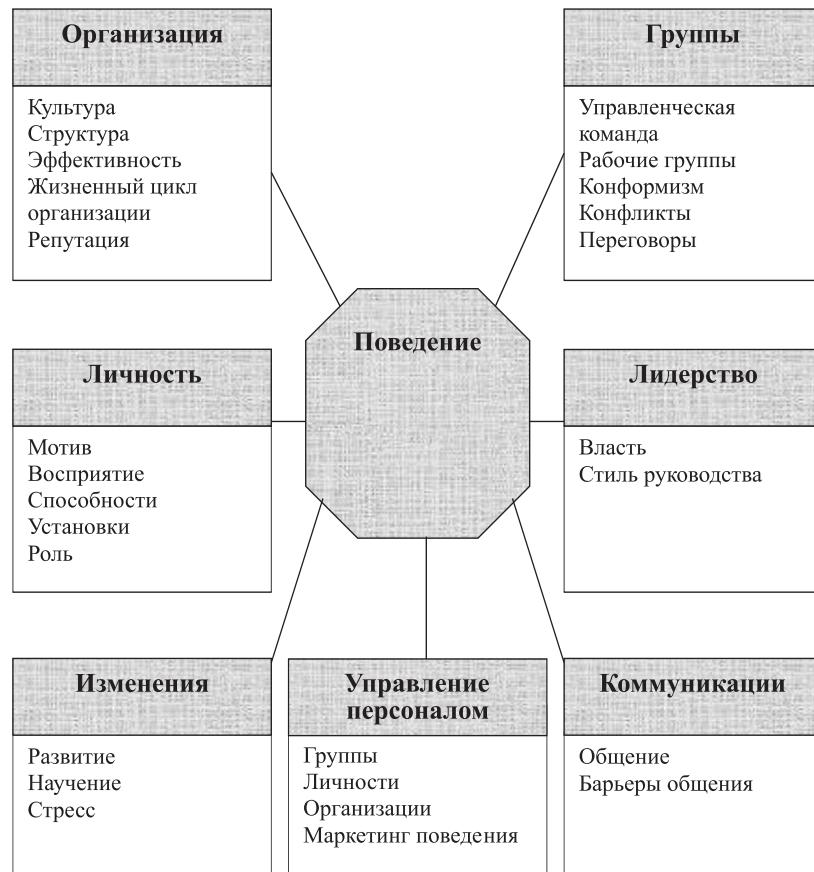

Рис. 2. Структура организационного поведения

некоей структурной схемы. Отношения индивидов внутри этой структуры создают сложные схемы сотрудничества: согласования, принятия и реализации решений.

В недалеком прошлом преобладала тенденция упрощения многих организационных структур в основном за счет сокращения должностей менеджеров среднего звена, вызванная необходимостью снижения издержек при сохранении конкурентоспособности компаний. Сейчас набирает силу процесс укрупнения организаций (преимущественно в форме слияний и поглощений). Отдельные организации проводят эксперименты по найму временных (так называемых ситуационных) сотрудников для выполнения конкретных задач. Наконец, многие фирмы переходят от традиционной структуры организации к структуре, ориентированной на командную работу [2, стр. 89].

Технологии. Технологическое обеспечение представляет собой материальные ресурсы, вовлеченные в процесс управления и производства. Довольно трудно собирать компьютеры голыми руками под открытым небом, поэтому мы строим

здания, проектируем оборудование, разрабатываем схемы работы и выбираем ресурсы. Уровень техники и технологий оказывает значительное влияние на трудовые отношения. Работа на конвейере существенно отличается от труда в исследовательской лаборатории, обязанности преподавателя университета – от должностных обязанностей медсестры [2, стр. 78].

Техника позволяет сделать больше и работать лучше, но она же накладывает и ограничения (по уровню квалификации сотрудников), т. е. ее применение сопряжено как с выгодами, так и с издержками. Повышение роли робототехники и компьютеризация производства, перераспределение рабочей силы из сферы производства в сферу услуг, повсеместное внедрение компьютеров и разработка ориентированного на пользователя программного обеспечения, быстрое развитие возможностей сети Интернет – все эти факторы оказывают все возрастающее давление на ОП, усложняя проблемы обеспечения бесконфликтного равновесия технической и социальной систем.

Окружающая (внешняя) среда. «Жизнь»

организации протекает в «рамках» внутренней и внешней среды. Каждая организация существует не сама по себе, а является частью большой системы, содержащей множество элементов: государство, семью и другие институты. Все новые требования, предъявляемые к современным организациям, порождают многочисленные изменения в окружающей среде – граждане все чаще требуют от менеджмента проведения социально ответственной политики; новые товары быстро «пересекают» границы отдельного города или государства и распространяются по всему земному шару; ослабевает прямое влияние профессиональных союзов; растет уровень образования. Все эти и многие другие факторы влияют друга на друга самым непредсказуемым образом, обусловливая высокую изменчивость среды.

Ни одна из организаций не имеет возможности избежать влияния внешней среды, действующей и на положение индивидов, и на условия труда, порождающей остройшую конкуренцию за доступ к ресурсам и энергии. Поэтому при изучении поведения человека в организациях следует обязательно принимать во внимание воздействие многочисленных факторов внешней среды.

Анализируя вышеприведенные подходы к структуре организационного поведения можно выделить общие недостатки и общие черты, присущие авторам в их подходах. Так, на основании рекомендаций Р. Дафта, можно определить, что этот автор рассматривает исключительно индивидуальные значения поведения сотрудника, не рассматривая при этом поведение группы, а также влияние на это поведение различных факторов, как организационная культура, информационные технологии и т. д.

Анализ российской литературы выявил, что подчас авторы, рассматривающие в своих трудах вопросы организационного поведения, приводят, по

сути, идентичные по содержанию составляющие организационного поведения: личность, коммуникации, параметры организации и внешнюю среду.

Недостатком, присущим практически всем приведенным способам определения составляющих организационного поведения, является общая нечеткость и неопределенность формулировки. Тем не менее, существует возможность выделить общий подход к структуре организационного поведения, который просматривается в каждом из приведенных источников. Однако стоит иметь в виду, что нам необходимо уточнить структуру внутриорганизационного поведения персонала. Как уже определялось, внутриорганизационное поведение персонала торговой предпринимательской структуры включает в себя сферу экономических отношений; сферу организационных отношений; сферу социальных отношений; сферу психологических отношений. Однако к этой иллюстрации необходимо добавить коммуникации, происходящие вследствие организационных отношений, а также межличностные коммуникации. Таким образом,

$$BOП = \{\overset{K}{\mathcal{E} \uparrow}, \overset{K}{O \uparrow}, \overset{K}{C \uparrow}, \overset{K}{\Pi}\}$$

где

\mathcal{E} – сфера экономических отношений;
 O – сфера организационных отношений;
 C – сфера социальных отношений;
 Π – сфера психологических отношений;
 K – коммуникации.

Таким образом, в экономической системе отражается суть предложенного определения внутриорганизационного поведения – упорядоченная совокупность компетентных действий и целесообразных взаимодействий персонала организации, направленных на решение, обеспечение и обслуживание ее целей и задач.

Список литературы

1. Виханский О.С, Наумов А.И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. Учебник. 2-е издание. –М.: Гадаринки, 1996.
2. Дафт Р. Менеджмент. 6-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2006.
3. Крупанин А. А. Организационное поведение: Текст лекций. – СПб.: СПбГИЭУ, 2002.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ПОЛЕЖАЕВ Вячеслав Михайлович,
директор института ФСБ России, г. Новосибирск
E-mail: polezhaev_vm@mail.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возникновения, формирования и развития федерализма в Советской России. Выделяя конкретный исторический период существования советской власти в нашем государстве, автор путем комплексного анализа в аспекте политики государства в становлении и развитии государственности акцентирует внимание на имевшихся проблемах формирования федерализма, а также приводит конкретные обобщающие выводы по указанной проблематике, базирующие на объективных исторических и политических условиях функционирования государственной власти

Ключевые слова: становление и развитие федерализма; формирование государственности в Советской России; субъекты федерации

POLEZHAEV V. M.

FEDERALISM DEVELOPMENT PROBLEMS IN SOVIET RUSSIA

The summary. The article considers the origin, formation and development of federalism in the Soviet Russia. Pointing out a particular period in history of the Soviet regime existence in this country the author by the use of complex analysis in the aspect of government policy in formation and development statehood focuses on the federalism formation issues that existed that time as well as gives specific generalizing conclusions on the subject mentioned which are based on objective historical and political conditions for state power functioning.

Key words: federalism formation and development; formation of statehood in the Soviet Russia; federation constituent entities.

Обращаясь к истокам государства российского, можно усмотреть истокиprotoфедерализма в самых ранних периодах русской истории: русские летописи [14, стр. 8,10,13] указывают на то, что уже в середине IX в. существовали соглашения (ряды) по поводу распределения взаимных прав и обязанностей между княжеским центром и северо-западными землями славян, являющимися основой для функционирования политической структуры государства. Таким образом, ряды являются прототипом федеративного договора,

сторонами которого выступали отдельные славянские города и князь.

Проблема федерализма в Российской Федерации является ключевой проблемой. Неудачи неолиберальных экономических реформ, усилившие сепаратистские тенденции и настроения в некоторых регионах страны, выдвинули на передний план проблему оптимизации взаимодействия Центра и субъектов Федерации, по большому счету – проблему сохранения российской государственности. Приоритетный

характер данной проблемы вытекает из многонационального и многоконфессионального характера России как государственного образования. Этнические различия частей государства стали благоприятной почвой для акцентирования региональной политической элитой проблем местного характера вплоть до игнорирования интересов того единого целого, которым, несомненно, является Россия. [6]

Нерешенность фундаментальных теоретических и прикладных проблем развития российского федерализма отрицательно сказывается на политическом поведении масс, лишая их необходимых ориентиров к устройству собственного государства, оценке деятельности его различных звеньев. Все это вместе взятое не может не влиять на политическую стабильность в обществе, на политическое осознание насущных задач различными государственными структурами, на обеспечение власти необходимой поддержкой со стороны народа.

Глубже понять суть федерализма возможно, проследив основные этапы становления и развития самой идеи федерации.

Потребность в федеральной организации возникает, прежде всего, в гетерогенном обществе, т. е. в обществе по природе своей неоднородном, распадающемся на отдельные части по различным основаниям. Если такое общество составляет единое целое либо стремится к этому (угроза захвата одной части другой, невозможность в отдельности преодолеть экономические трудности и т. п.), то встает вопрос о способе сохранения единства.

Поиски модели идеального государства начались с древнейших времен. Еще Аристотель, Платон и другие мыслители высказывали идею о построении объединенных государств.

Учение Платона (IV до н. э.) об идеальном или совершенном государстве, где должны править особо подготовленные люди, делает упор преимущественно на исполнительную власть или власть владыки. И неудивительно, что в идеальном государстве Платона регламентация государственной жизни людей достигает апогея: по существу общество превращено в казарму, где за поведением населения ведется тотальный контроль, а правит государь.

Согласно Аристотелю, началом любого сообщества является человек, т. к. он нуждается в общении, в единении с себе подобными для

воспроизведения и совершенствования. Потребность в общности приводит к необходимости объединения. Так складывается многоуровневая организация общественного порядка: семья, община, союз общин, полис (государство) как высшая и всеобъемлющая форма социальной связи. Но главная задача – не реализация власти, а достижение «благости», т. е. счастливой и свободной жизни для объединенных в единое целое граждан. Аристотелю удалось показать в своем труде «Политика» потребности человека к единению: индивид и его семья, общины, поселения, союзы составляют первооснову любого государства. Отсюда идут истоки федерализма в политическом устройстве античных полисов, которые справедливо считают прообразом государственных союзов, начавших возникать в период позднего средневековья.

Социально-политическая мысль древнего мира сравнительно быстро прошла путь от мифа к теории. Ученые систематизировали и анализировали многообразие политических форм, изучали условия, благоприятствующие становлению различных политических систем, законодательных органов, закономерности их функционирования. Они верили в возможность рационально сконструировать идеальную форму правления и осуществить ее на практике. Однако предлагаемые концепции государственного строительства и законотворчества были только теоретически обозначены, поскольку реальная жизнь тогда не давала достаточного материала для завершенных научных обобщений.

Во второй половине XVIII в. в русской общественной мысли возникло радикально-республиканское направление, основоположником которого был А.Н. Радищев. В поисках совершенствования государственного строя он прошел эволюцию, в процессе которой отдавал предпочтение сначала концепции «просвещенного абсолютизма», затем конституционной монархии, наконец, демократической республике, ставшей его идеалом.

В начале XIX в. федералистские идеи нашли воплощение в дебатах, происходивших в Северном тайном обществе декабристов. Согласно проекту, предложенному Дмитриевым-Мамоновым, Россия должна была быть разделена на тринадцать федеральных единиц. При этом, наряду с чисто русскими субъектами предполагаемой федерации, имелось в виду вычленить и ее этнически

окрашенные структуры (Киевское, Казанское, Астраханское, Польское царства, Курляндию, Лифляндию, Финляндию, Грузию). Детальный план федеративного устройства России был подробно разработан также декабристом Н. Муравьевым в представленных им двух проектах российской конституции федералистского типа.

За утверждение в России парламентского и конституционного строя выступали такие видные деятели либерализма и обществоведы второй половины XIX в., как М.М. Ковалевский, Б.Н. Чичерин, С.А. Муромцев, Е.В. де Роберти, Б.А. Кистяковский и другие. [15, стр. 73]

Идеи федерализма в различных интерпретациях, будь то Российская империя, где относительной автономией и самоуправлением были наделены Малороссия, Прибалтика, Бесарабия, Польша, Финляндия, или Советское государство с провозглашенным правом наций на самоопределение и выхода республик из состава СССР оказывали существенное влияние на практику государственного строительства. Наибольший вклад в организацию территориального построения Российского государства связывают с правлением Екатерины II. Указами императрицы в 1775 г. были учреждены наместничества и губернии, разделенные на уезды и округа. Унитарный принцип территориального построения подчеркивался в законодательных актах того времени [18, стр. 1; 17, стр. 231-232]. Екатерина полагала, что Россия «столь обширна, что кроме самодержавного государя, всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочие медлительны в исполнениях и многое множество страшней разных имеют, которые все к раздроблению власти силы влекут...» [7].

Почти 140 лет, до октября 1917 г., в организации государства превалировал территориальный принцип построения с элементами автономии. Национальный состав государства стал определяющим признаком реформы территориального устройства России, начатой II-м Всероссийским съездом Советов. Было провозглашено право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. По мнению партии, образование национально-культурных автономий, отличающихся особыми хозяйственными бытовыми условиями, особым национальным составом, только укрепит единство России [11, стр. 168]. Однако идеи федерализма в этот период

времени отвергались, в них усматривалось капиталистическое начало [10, стр. 226].

Резолюцией Всероссийского Учредительного собрания Россия впервые была провозглашена федеративным государством – Российской Демократической Федеративной Республикой [12, стр. 40, 106], в подтверждении федеративного устройства был принят ряд документов (Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа, резолюция «О федеративных учреждениях Российской Республики», постановление ВЦИК «Об областных объединениях»), которыми объединялись территориальный и национальный принципы построения государства и решен, как представлялось большевикам, путем создания административно-национальных, национально-государственных и территориальных образований национальный вопрос. Дальнейшее развитие России строилось, в основном, на этих принципах.

Качественный скачок в развитии российского федерализма произошел в ноябре 1917 г. 2 (15) ноября 1917 г. СНК РСФСР утвердил «Декларацию прав народов России».

Таким образом, был осуществлен переход к новой форме государственного устройства – к федерации. 28 января 1918 г. федеральное устройство России было закреплено в Конституции РСФСР. Это был первый опыт советского федеративного строительства в виде Российской Советской Социалистической Республики.

Федерацией высшего уровня стало союзное государство – Союз Советских Социалистических Республик (1922 г.). В составе Советского Союза насчитывалось 15 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов.

Эта громоздкая и сложная система практически управлялась строго централизованно на основе единой для всех Конституции СССР и советского законодательства. Главным связывающим в единое целое звеном была Коммунистическая партия, проводимая ею политика.

Главные негативные последствия абсолютизации этнонациональных форм государственного устройства или федерации национальных государств состоят, на взгляд специалистов, в следующем [2, стр. 91-92].

1. Существовавшие в РСФСР национальные автономии как формы политического самоопределения титульных этносов давали возможность рассматривать Российскую

Федерацию не как изначально единое государство, а как договорное объединение суверенных государств. Этой возможностью воспользовались властовавшие группировки в регионах. В основном речь в республиках шла не о сепаратизме, а о торге с центральной властью. Но разговор о суверенитете поставил под вопрос целостность правового, экономического и политического пространства России.

2. Обострились противоречия между национальными республиками и «русскими» краями и областями в силу асимметричности и амбиций субъектов Федерации. Противостояние «регионов» и «государств» наряду с борьбой Президента и Верховного Совета препятствовало принятию новой Конституции и эффективному государственному строительству.

3. Усиление этнократических тенденций в политической жизни республик и разделение граждан на представителей «коренных» и «некоренных» («титульных» и «нетитульных») национальностей привело к росту межэтнической напряженности.

На пороге 80-х гг. приобрела особую актуальность дилемма дальнейшего развития советской федерации: либо повышение самостоятельности союзных республик де-факто, либо признание Союза унитарным государством де-юре. Однако ни того, ни другого не произошло.

Ситуация в субъектах советской федерации со временем складывалась таким образом, что сосредоточение власти в Центре вошло в противоречие с необходимостью ее децентрализации и передачи больших полномочий на места. Необходимость радикальных изменений в этом направлении, хотя и осознавалась определенной частью партийного руководства, вовремя не была осуществлена, что вызывало все более недовольство национальных элит, возглавляющих союзные республики.

Данная традиция сохранилась до наших дней – Федеративный договор 1992 г. заключен не между субъектами РФ, а между субъектами и Федерацией. Если обратиться к трудам И.В. Петрова «Государство и право Древней Руси» [13] и Л.М. Савелова «Лекции по русской генеалогии» [16], то высказанное выше предположение оprotoфедерации подтверждается тем, что в ряде были закреплены вопросы исключительного ведения территорий, устанавливалась единообразная система органов

управления при наличии единого органа власти, представляющего интересы всех территорий и обладающего полномочиями осуществлять выработку норм права, рассмотрения внешнеполитических вопросов и наиболее важных внутригосударственных дел. Решения этого политического института были обязательны для князя, но при наличии веских аргументов князь мог проигнорировать решения данного органа. По нашему мнению, дружинный совет содержал зачатки современного законодательного органа РФ, поэтому мы поддерживаем мнение А. Ященко, видевшего в удельной системе «федерацию самостоятельных государств, из которых в каждом был свой князь и свое вечно» [19, стр. 748]. Русский историк Н.И. Костомаров писал: «Начала, соединяющие земли между собой, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо от других, но не настолько были сильны, чтобы заглушить всякое местное проявление и слить все части в одно целое. Вся история Руси удельного уклада есть постепенное развитие федеративного начала, но вместе с тем борьбы его с началом самодержавия» [9].

Дальнейший исторический период характеризуется раздробленностью и номинальным признанием центральной власти. Последовавшее с Востока вторжение нанесло серьезный удар по русской государственности и идея централизации, объединения земель стала национальной парадигмой на много веков вперед. [3, стр. 43]

С принятием Декларации и Договора об образовании СССР 30 декабря 1922 г. начался новый этап в развитии государственного устройства, который характеризовался изменением форм автономии и переходом многих народов к более высоким формам государственности [8, стр. 21]. К 1924 г. в РСФСР были созданы 11 автономных республик и 14 автономных областей, трудовые коммуны были преобразованы в автономные республики.

Конституция РСФСР 1925 г. объявляла в статье 2, что Республика есть государство, строящееся на основе федерации национальных советских республик [1]. Основной Закон исходил из признания в статье 13 права за отдельными национальностями на выделение, по решению их съездов Советов, с утверждения верховных органов Российской Социалистической

Федеративной Советской Республики, в автономные советские социалистические республики и области.

Впервые на конституционном уровне был описан общий порядок создания автономий – через порядок образования их высших органов государственной власти из местных органов. В остальном статус автономных республик и автономных областей существенно различался.

В Декларации о государственном суверенитете РСФСР также объявлялось необходимым существенно расширить права всех входящих в РСФСР образований. 10 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» [4], в котором все полномочия и гарантии по обеспечению экономической самостоятельности были закреплены за союзными и автономными республиками одинаково, между ними не проводилось практически никаких различий. Отдельные экономические права были предоставлены автономным областям и автономным округам. 26 апреля 1990 г. был принят Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» [5], в котором прямо прописывалось, что автономные республики – государства, являющиеся субъектами федерации – Союза ССР. Это положение противоречило статье 71 Конституции СССР, из которой прямо следовало, что субъектами Союза являются только пятнадцать союзных республик. Другими словами, одни носители статуса субъектов СССР (АССР)

«входили» в состав других (ССР).

В период 1990 – 1991 г. абсолютное большинство автономных республик приняли декларации о собственном суверенитете, которые сыграли огромную деструктивную роль в новейшей политической истории России. СССР был обречен – он был ликвидирован 8 декабря 1991 г. Соглашением о создании Содружества Независимых Государств.

Подводя итог советскому периоду в развитии российского федерализма, следует отметить следующее.

- Советский Союз как новая форма федерации был основан на суверенитете своих субъектов и объединил как унитарные, так и федеративное (РСФСР) государства. Основными принципами построения советской федерации были провозглашены принцип добровольности объединения субъектов, их равноправность, демократический централизм. Но главным был национальный принцип построения федерации.

- В этнополитическом устройстве РСФСР были узаконены статусные претензии республик, автономных областей и национальных округов. В результате в России возникли субъекты Федерации, причем и первые, и вторые считались равноправными и напрямую соотносились с федеральным центром.

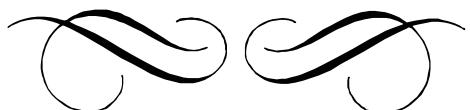
Однако ни РСФСР, ни СССР, несмотря на свои названия, на всем протяжении своего существования не были федерациями в полном смысле слова. Они скорее обладали признаками унитарного государственного образования, имеющего в своем составе автономии.

Список литературы

1. СУ РСФСР. – 1925. – №30. – Ст. 218.
2. Афанасьев М. Проблемы российского федерализма и федеративная политика второго Президента. Промежуточные итоги // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 1.
3. Бессонова В.В. Конституционно-правовые основы объединения субъектов Российской Федерации на примере Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа: Дис... канд. юрид. наук. – М., 2009.
4. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 16. – Ст. 270.
5. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 19. – Ст. 329.
6. Жидких В.А. Федерализм в России: эволюция, проблемы, перспективы / В.А. Жидких. – М.: Экономика и право, 2005.
7. История российской государственности / отв. ред. Т.П. Коржихина. – М., 1998.
8. Карапетян Л.М. Федерализм и права народов. – М., 1999.
9. Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале Древней Руси // Основа. – 1861. – №1.
10. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу / В.И. Ленин. О государстве и праве. В 2-х т. – Т.1. – М., 1958.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

11. Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т.30.
12. Ленин В.И. Полн.собр.соч. – Т.32.
13. Петров И.В. Государство и право Древней Руси. – СПб.: Изд. Михайлова В.А., 2003.
14. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ипатьевская летопись. Радзивиловская летопись / Полное собрание русских летописей. – М., 1962.
15. Романов Р.М. Российский парламентаризм. История и современность. – М., 2000.
16. Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. Серия: Справочники по русской истории. Вып.3. – М.: Археографический центр, 1994.
17. Свод законов Российской империи 1775 – 1780 гг. Печатано в типографии 2 отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии. – Т.20. – СПб., 1830.
18. Свод Основных Государственных Законов. – Т.1-3. – СПб., 1912.
19. Ященко А.С. Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. – Юрьев, 1912.

БОЧЕГУРОВ Андрей Иванович,адъюнкт кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: sibir19@inbox.ru**Специальность** 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРУПЦИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы коррупции как социально-экономического и политического явления. Даётся обзор существующих направлений и подходов к исследованию противодействия политической коррупции на государственном уровне.

Ключевые слова: бюрократическая коррупция, антикоррупционная политика, гражданское общество, противодействие политической коррупции.

BOCHEGUROV A. I.

THE BASIC DIRECTIONS ON COUNTERACTION OF POLITICAL CORRUPTION AT THE STATE LEVEL

The summary. In article corruption problems as social and economic and political phenomenon are considered. The review of existing directions and approaches to research by political corruption at the state level is given.

Key words: bureaucratic corruption, the anticorruption policy, civil society, counteraction of political corruption.

Противодействие коррупции является одной из важнейших задач не только всей системы правоохранительных органов, но и политических институтов власти, гражданского общества. Основным инструментом давления на власть со стороны теневой экономики является коррупция. Коррупцию можно рассматривать как отклоняющееся политическое поведение, которое может квалифицироваться и как преступления, и как деяния, не преследуемые законом в силу их неурегулированности. В качестве разновидности отклоняющегося политического поведения политическая коррупция известна с давних времен. Пожалуй, первым термин коррупция применительно к политике употребил еще Аристотель, определяя тиранию как коррумпированную «неправильную, испорченную» форму монархии. Политическую коррупцию следует отличать от бюрократической, характеризующейся отсутствием политических

мотивов коррупционных действий. Она адресована управленческой группе бюрократии, не имеющей возможности принимать независимые (без участия представителей элиты) политические решения. Большинство исследователей справедливо полагает, что в основе политической и бюрократической коррупции лежит рентно-ориентированное поведение представителей политического класса и бюрократии, т. е. деятельность, направленная либо на использование своего монопольно политического положения, либо на получение доступа к ресурсам государства, в отличие от стремления в рыночной экономике к извлечению прибыли в процессе конкуренции. Такое поведение наиболее ярко проявляется в ситуации конфликта интересов. Существенным фактором, обусловливающим нынешнее состояние антикоррупционной деятельности в политической сфере, является слабость институтов гражданского общества, и, в первую очередь,

политических партий как связующего звена в отношениях государства и общества. Таким образом, можно указать как минимум три проблемы противодействия политической коррупции в современной России: развитое и укорененное рентно-ориентированное поведение значительной части представителей политического класса и бюрократии; широкие возможности множественных конфликтов интересов в политико-управленческой сфере; функциональная слабость политических партий в репрезентации антикоррупционных интересов общества. Термин «рентно-ориентированное поведение» пришел в политическую науку из экономической теории. Считается, что первенство в научной разработке термина принадлежит А. Крюгер. Термин «рентно-ориентированное поведение» (поиск ренты) был сконструирован для характеристики поведения экономических агентов в условиях институциональной трансформации, когда индивидуальные усилия по максимизации стоимости порождают потерю общества, а не выгоду для него [9, стр. 100]. В рамках общей теории рентных отношений в настоящее время активно разрабатывается концепция административной политической ренты. Природа этой разновидности ренты связана с существованием и использованием политическими факторами, а также государственными и муниципальными служащими особого вида ресурса – возможности использования функций чиновников и политиков для извлечения дополнительного дохода. Этот ресурс характеризуется следующими чертами: неразрывно связан со статусом агента и исчезает при потере этого статуса; является результатом монополизации властных полномочий и возникновение неопределенности законодательства.

Возможность объяснения и применения норм законодательства в интересах того или иного субъекта предоставляет в распоряжение чиновника особый ресурс, который отличается от остальных ресурсов как своей сущностью, так и механизмом присвоения ренты. Рентно-ориентированное поведение реализуется в ситуации конфликта интересов, вызванной разделенностью экономической и политико-управленческой сфер при наличии каналов взаимной коммуникации между ними и их взаимозависимости. Государственные институты,

отказавшись в 1990-е гг. в России от функций директивного управления и непосредственного контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, активно влияли, прежде всего, на процесс приватизации государственной собственности. Это стало основой для сращивания государственной бюрократии с формировавшимся классом частных собственников, сопровождавшегося фантастическим всплеском коррупции, возникновением номенклатурно-олигархических кланов, стремившихся заодно приватизировать и государство, т. е. решить конфликт интересов в пользу своекорыстных устремлений. Кланы как закрытые теневые группы бизнесменов, политиков, бюрократов, работников правоохранительных органов, представителей организованной преступности, объединенных общими интересами и неформальными отношениями, стали заметным социальным явлением в современной России. В этом смысле российский капитализм противоположен той системе, в которой главную роль играют независимые предприниматели, конкурирующие между собой. Отечественный капитализм способствует формированию кланового государства, цель которого обеспечение конвертации (в форме коррупции) ресурсов, находящихся в распоряжении наиболее влиятельных кланов [5, стр. 12]. Особенно четко черты клановой системы проявляются в некоторых регионах, что стало следствием асимметричной децентрализации государства. Такая попытка нередко вела к нецентрализму на региональном уровне, разбуханию местного бюрократического аппарата, росту коррупции и введению новых налогов. Таким образом, сама цель децентрализации – приблизить институты власти к народу – превращается в свою противоположность. Здесь низовая – бюрократическая коррупция (часто в форме примитивного мздоимства) приобрела тотальный характер, как по ее размерам, так и в восприятии ее как нормы социальной жизни.

Верхушечная – политическая коррупция, особенно на федеральном уровне, не столь распространена и масштабна, принимает иные формы. Многие региональные законы, регулирующие отношения в сфере бизнеса, имеют высокий потенциал коррупционного использования. Политическая и бюрократическая коррупция в России, как политическая проблема, важна не

столько как количественная характеристика, сколько как качественная особенность российской системы управления – неспособность решить конфликт интересов в пользу общества. Речь не идет о коррупции как отдельных, пусть и частых, проявлениях взяточничества или превышения должностных полномочий (низовая коррупция), а о складывании такого механизма или режима управления, в котором коррупционные отношения занимают место ведущей формы обеспечения управляемых взаимодействий, причем как внутренних (между уровнями власти), так и внешних (государство – бизнес, государство – гражданское общество) [11, стр. 19]. Выделяются две стратегии сращивания бизнеса и власти: рыночная и инвестиционная. Первая состоит в систематическом и устойчивом приобретении бизнесом услуг власти, оказываемых в теневом режиме (коррупция). Вторая предполагает, что бизнес покупает не услуги чиновника или законодателя, а место во власти, ставя на него своего человека. Это подразумевает и систему мер, гарантирующих управляемость выдвиженца, тоже теневых [1, стр. 8]. Теневая экономика и теневая политика – не автономные, а взаимообусловленные явления, две части единого процесса построенияластной иерархии. Проблема усугубляется слабостью институтов гражданского общества, в особенности политических партий, осуществляющих в развитых демократиях постоянный антикоррупционный аудит социальной и экономической политики государства. Низкий уровень институционализации партийной политики приводит к возрастанию политического неравенства, нарушению принципов плюрализма, усилению коррупции. В России, как и в большинстве постсоветских стран, имеет место тенденция к росту партийного покровительства (в ряде случаев – сближение с мафиозными структурами) и партийно-политическая коррупция, захватившие как государственную администрацию, так и элиту бизнеса. Если указанная тенденция в России одержит верх, российское общество не только еще больше отдалится от демократии, но и станет жертвой очередного политического застоя с расцветом безответственности власти и неэффективности принимаемых решений. Чтобы переломить негативную тенденцию в отечественном партстроительстве, политическим руководством нашей страны взят курс на формирование

ответственных политических партий и устойчивой партийной системы. Особенностью российской антикоррупционной политики является тот факт, что её главной движущей силой является политическая воля Президента РФ. Не сбылась надежда первого поколения постсоветских реформаторов на то, что эффективным регулятором социально-экономических отношений в стране станет саморазвивающийся рынок. Коррупционные отношения в современном российском обществе за последние годы не только не сократились, а напротив, расширились, усложнились и превратились в фактор, который сдерживает позитивное социально-экономическое развитие страны и угрожает национальной безопасности. О нарастающем кризисе легитимности социальной модели 1990-х гг. в России свидетельствует настойчивое требование нравственной политики. Еще в 2000 г. В.В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию отмечал: «Государственные функции и государственные институты ... не должны быть куплены или проданы, приватизированы или переданы в пользование. ... На государственной службе единственным критерием деятельности является закон. Иначе государство открывает дорогу коррупции. И может наступить момент, когда оно переродится, перестанет быть демократическим. На сегодняшний день для России одной из важнейших задач в борьбе с коррупцией в системе государственной службы является формирование государственной стратегии, предусматривающей следующие антикоррупционные механизмы:

- политический механизм (политическая воля руководства страны, привлечение институтов гражданского общества);
- законодательный механизм (принятие федерального антикоррупционного закона, устранение недостатков действующего механизма правового регулирования государственной службы);
- институциональный механизм (усиление прозрачности управления, проведение открытой информационной политики; создание государственно-общественных структур контроля за деятельностью госслужбы, обеспечение независимости и эффективности судебной системы, органов прокуратуры и правоохранительных органов);
- международный механизм (подписание и

- ратификация международных протоколов и законов; привлечение к законодательной работе международных экспертов по борьбе с коррупцией;
- воспитательно-образовательный механизм (возрождение такого понятия, как этика государственного служащего; повышение юридической грамотности широких слоев населения; воспитание нового поколения государственных служащих)» [6, стр. 107].

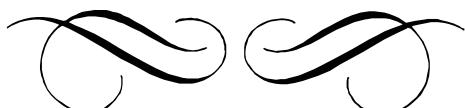
Государством разрабатывается и внедряется целостная антикоррупционная политика, которая предполагает осуществление разноплановых мер политического, экономического, социального, правового, организационного, идеологического характера при условии консолидации усилий федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общества в целом. Однако в настоящее время борьба с коррупцией осуществляется преимущественно с помощью уголовно-правовых средств. В действующем законодательстве о государственной службе введено понятие конфликт интересов (ст. 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе в Российской Федерации»). Предполагается, что, исходя из правовых норм и собственной совести, чиновник будет избегать коррупциогенных ситуаций, связанных с реализацией его непосредственных полномочий. В том случае, когда конфликт интересов будет отсутствовать, государственному служащему позволительно заниматься иной (кроме государственной службы) деятельностью, приносящей доход. В ст. 11 Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» установлены антикоррупционные ограничения, связанные с государственной службой. Можно предположить, что разработчики

нормативно-правовых актов осознавали возможность возникновения в действиях конкретного государственного служащего конфликта интересов, однако ряд предложенных ими мер, направленных на предупреждение и пресечение коррупции в системе государственной службы, в полной мере не решает поставленных задач [15, стр. 229]. Концепция административной реформы в Российской Федерации нацелена на оптимизацию функций органов исполнительной власти, включая функции по осуществлению контроля и надзора, внедрение особых механизмов противодействия коррупции в органах исполнительной власти. Таким образом, коррупция как негативное явление снижает эффективность рыночной экономики, разрушает существующие демократические институты, подрывает доверие людей к правительству, усугубляет политическое и экономическое неравенство, порождает организованную преступность, ставит под угрозу национальную безопасность страны. Масштабы коррупции в России так велики, что власти грозит полная потеря контроля над жизнедеятельностью государства. В нашем государстве коррупция проявляется в весьма разнообразных формах. Со временем это многообразие расширяется, появляются новые формы, которые еще не имеют названия и точного описания. Коррупцию, можно уменьшить путем принятия комплексных мер по борьбе с ней. Конечно же, ее нельзя устраниć за один день, но все-таки должны осуществляться действия в этом направлении. Нельзя сказать, что в России борьба с коррупцией идет полным ходом, но, во всяком случае, эта проблема выносится на обсуждение, и разрабатываются различные стратегии, что не маловажно. Можно сказать, что первый шаг – осознание вреда коррупции – уже сделан в России. Теперь дело стоит за правительством и главой государства.

Список литературы

1. Барсукова С. Стратегии сращивания бизнеса и власти // Свободная мысль. – 2006. – №3.
2. Гришковец А.А. Поощрение государственных служащих: правовые основы и практика применения // Право и политика. – 2002. – №1.
3. Жириновский В.В. Борьба с казнокрадством с помощью народного контроля над бюрократией // Российская газета – Федеральный выпуск. № 4587 от 13 февраля 2008 года.
4. Кабанов П.А. Понятие и криминологическая характеристика политической коррупции // Следователь. – 1998. – № 8.
5. Косалс Л. Клановый капитализм // Неприкосновенный запас. – 2006. – №6.
6. Латыпов Д.А. Власть и реформа государственной службы в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Власть и воздействие на массовое сознание. – Пенза, 2006.

7. Малько А.В. Цели и наиболее эффективные юридические средства современной российской антикоррупционной политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2004. – № 3.
8. Нурутдинов А.З. Коррупция как общеправовой феномен: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004.
9. Ослунд А. Рента ориентированное поведение в российской переходной экономике // Вопросы экономики. – 1996. – № 8.
10. Политологический словарь / под ред. В.Ф. Халилова. – М., 1995.
11. Сморгунов Л.В. Способность государства и системы оценки эффективности государственного управления: международный опыт и современная административная реформа в России // Демократия и управление. – 2007. – № 2 (4).
12. Тихомиров Ю.А., Трикоз Е.Н. Право против коррупции // Журнал российского права. – 2007. – № 5.
13. Тогонидзе Н.В. Политическая коррупция в России // Государство и право. – 2003. – № 3 – 4.
14. Четвериков В.В. Административно-правовые меры противодействия коррупции в деятельности исполнительной власти // Право и политика. – 2008. – № 2.
15. Чукин В.В. Проблемы правового регулирования борьбы с коррупцией: несовершенство российского законодательства // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. – Новосибирск, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной политической и социологической тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основания для включения статьи в журнал являются:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом направления журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи

1. Статья присыпается в электронном варианте.
2. Электронный вариант статьи представляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman», полуторный междустрочный интервал.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр.
4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы - в формате Word.
5. Тема статьи – на русском и английском языках.
6. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
7. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
8. Затекстовые ссылки оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются в алфавитном порядке. Сначала указываются нормативные акты, затем материалы на иностранном языке и, наконец, на русском языке. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста/документа, то в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
 - в тексте: [7, стр. 15].
 - в затекстовой ссылке: 7. Чибинев В. М., Макаров Д. А. Эволюция государственности степных народов Евразии и их влияние на становление древнерусского государства. – Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2008. – 361 с.
9. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
10. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

Всех авторов просим обратить внимание на требования к оформлению статей, поскольку игнорирование хотя бы одного вышеуказанного пункта даёт редакции право отказать в публикации Вашей статьи.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.
6. Основные направления научных исследований.
7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.
8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышенназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом направления журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств ООО «Образовательный центр «СоветникЪ».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.
2. Литературное редактирование.
3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов.
4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.
5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору.

Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присыпать по адресу:

Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: magazine-sovetnik@yandex.ru
www.centersovetnik.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40505

от 01 июля 2010 г.

Название

Мир политики и социологии

Адрес редакции

198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114,
корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более
40 %

Форма периодического распространения

журнал

Язык(и) русский

Территория распространения

Российская Федерация

Учредитель (соучредители)

Общество с ограниченной
ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ»
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя

Р.В. Шередин

Начальник Управления
разрешительной работы в сфере
массовых коммуникаций

М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года
№ 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в
соответствии с законодательством Российской Федерации.

017613

Корректор Щурова Е. Ю.
Верстка Ларин Д. А.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»**

№ 1, 2011

Подписано в печать 20.01.2011. Формат 60 Ч 84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 18,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 375.
ООО «Образовательный центр «СоветникЪ»

ООО «КЭРИ» 198089, С.-Петербург, ул. Промышленная, 42-А